

Надежда Лещенко
Короткие рассказы о жизни

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Выхожу один я на дорогу...»

Без протокола

...И время покорно замрёт

Король

«Соборная площадь»

«Всюды буйно квитне черемшина»

Золотой слиток

МИР-ДРУЖБА-ЖВАЧКА!

...А имей сто друзей!

Воскресение

Вот послушай...

«Молоко и мёд»

Именины сердца

Колодец

Невысказанная любовь

Ты накинь, дорогая, на плечи...

Трудяга

«Не укради...»

Не спеша

Вечная память

Привет с намёком

Страх божий

«Золотой век»

Имена

Два средства от бессонницы

И дольше века ...

Калиточка в огороде

Чудо техники

Раритеты

Кино от Героя

Немножко педагогики

Не делай, как я!

Техника терпения

Банкиры и дворники

Двойка «на вырост»

Великое Непослушание

Девочка, держись!

...СВЕТ ЛИЦА ТВОЕГО

О ЛЮБВИ БЕЗ КОВАРСТВА

О САМОМ ГЛАВНОМ

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»

Это стихотворение Лермонтова сопровождает меня всю мою сознательную жизнь. Его положили на музыку, и получился красивый романс. Он раньше часто звучал по радио: чисто и пронзительно этот романс исполнял детский хор, а Козловский пел его мощно и печально. С этим стихотворением у меня связано несколько неправдоподобных, даже мистических историй. Вот послушайте, пожалуйста.

Из того райцентра, где я работала в редакции газеты, ходил рейсовый автобус до железнодорожной станции, от которой два раза в сутки отправлялся поезд до другой станции, а оттуда рукой подать, всего пятьдесят километров, до моей деревни. Я опоздала на автобус, тот, самый последний. Но непреодолимая сила наперекор инстинкту самосохранения вытолкнула меня, семнадцатилетнюю девчонку, на трассу, и я пошла пешком. Пониженное чувство опасности - так определили бы психологи. Да плюс эмоциональная неустойчивость. Проще говоря, мне очень захотелось домой, к маме. Зимняя ночь, никого кругом. И - «Выхожу один я на дорогу». Как-то сами собой вспомнились эти строчки, так естественно и почти буквально отражающие данную ситуацию. Я шла и без остановки твердила это стихотворение из школьной программы. Всё вокруг было по-лермонтовски: и асфальт блестел под ярким лунным светом, и звезды горели на ясном небе, и на душе было так тоскливо. Прошла я, может, километров пять-семь, и меня догнала военная машина, с полным кузовом солдат – рядом были те печально известные Тоцкие лагеря. Меня посадили в кабину, довезли до станции и даже купили билет на поезд, минуя огромную очередь в кассу. Не прошло и полусуток, как я была уже дома.

В 1978 году наша семья оказалась разбросанной по всему Советскому Союзу: муж служит в Магадане, я в Свердловске сдаю госэкзамены, семимесячная дочь у моей мамы в Оренбуржье, а двухлетний сын – у второй бабушки, на Украине. Когда диплом был получен, я начала потихоньку соединяться со своими детьми. Прилетела в Оренбург, оттуда автобусом в райцентр, и всё - путь окончен, уже поздно, до моей деревни уже ничего не идёт. Доехала на попутной машине ещё до одной деревни, оставалось преодолеть километров десять. Ну, что же делать? Опять – «Выхожу один я на дорогу». Поплакала и зашагала. «Что же мне так больно и так трудно?» Потом передумала, развернулась и пошла по чужой деревенской улице, надеясь на ночлег. Свет в домах уже не горел. И вдруг возле чьих-то ворот заметила белую легковую машину. Постучалась. Залаяла собака. Вышел хозяин: «Кто тут? Чего надо?» Объясняю, что в Буранку надо. А ты чья будешь? Называю свою девичью фамилию. Не Дмитрия Мироновича дочка? Его. Мужик ушёл, захлопнув дверь. Ну, вот. Теперь на улице придётся ночевать. Но дверь быстро отворилась снова, вышел тот самый ужик, на ходу застёгивая рубашку. Садись в машину! Мы поехали. Оказалось, давно, лет двадцать назад, мой отец был его учителем по физкультуре, и он его хорошо помнил. Через полчаса мы уже остановились у ворот нашего дома.

И ещё один раз Лермонтов спас меня. До сих пор содрогаюсь, вспоминая ту поездку домой. Перед самой Пасхой, в пятницу вечером, пришла телеграмма от сестры: мама тяжело заболела. Но наша мама никогда не жаловалась на здоровье, гордилась тем, что за всю свою жизнь не приняла ни одной таблетки. У меня упало сердце от предчувствия. Опять – самолёт до Оренбурга, билеты были только через Львов. Опускаю все подробности. Начнём сразу с того места, где я опять ночью выхожу на пустую дорогу одна, до дома - сто двадцать километров пути. Преодолев на бешеной скорости пол-

Европы, оказалась я в родных степях, как на задворках цивилизации: «метро закрыто, в такси не содят». Грустно и нелепо. Иду, почти бегу, задыхаясь от глухого раздражения, совсем налегке, с одной дамской сумочкой. И снова - «В небесах торжественно и чудно...» Я вдруг ясно поняла, что и на этот раз Лермонтов мне поможет, не даст пропасть, если буду, как молитву, без остановки и вслух читать это стихотворение. Вскоре догоняет меня огромный «КамАЗ», останавливается: «Куда идёшь, дэвушка? Садись, подвезу!» Я смело взбираюсь в кабину. Оказывается, это чеченцы, они в командировке тут, проездом, и могут подвезти меня до райцентра. Стояла весна 92-го года, никакой войны с ними ещё не было, водитель с напарником всё расхваливали своего генерала Дудаева. Но к моему горю отнеслись очень сочувственно, почти всю дорогу молчали. Высадили посреди городка, от денег отказались, поехали дальше. А теперь мне куда? Где-то тут жили наши дальние родственники, но как их найти в два часа ночи? Возле городского парка под ярким фонарем громко хохотала группа подростков. Я бесстрашно подошла к ним и как можно более твёрдым голосом спросила, где находится улица

Володарского. Они подробно объяснили. Вскоре я услышала от своих родственников, что моя мама умерла в субботу утром, то есть, когда я была ещё во Львове.

...Давно уже не имею я таких дорожных приключений, не езжу автостопом, не выхожу ночью на пустынную дорогу одна. Как-то незаметно созрела до второй части этого стихотворения: «Я ищу свободы и покоя!..» А там не за горами и заключительные его строки: «Я б желал навеки так заснуть...».

БЕЗ ПРОТОКОЛА

Несколько лет назад, во Львове, на уличной раскладке мне попала тоненькая брошюрка в дешёвом переплете, под названием «Протоколы сионских мудрецов». Неужели та самая, запрещённая? Я её купила, конечно, и за один вечер прочитала. Волосы на голове встали дыбом: какие мы все, оказывается, наивные, доверчивые и беспечные! Ведь существует всемирный еврейский заговор – против всего человечества. Мы все «под колпаком»!..

А мне помнится другой мудрец, киевский. В 1995 году, когда моя дочка поступала в институт международных отношений, мы полтора месяца жили у отца нашего друга и сослуживца, у Матвея Львовича Шпильского, в микрорайоне с красивым названием Отрадное. Старик после смерти жены один жил в трехкомнатной квартире. Даша с утра уходила на подготовительные курсы, я шла на рынок, потом готовила обед. Был июль, стояла страшная жара, и мы с Матвеем Львовичем почти безвылазно сидели в прохладной квартире и беседовали. Глагол «беседовали» подходит для обозначения только первых тридцати минут нашего разговора. Потом начинали спорить и под конец почти кричали друг на друга. Наш хозяин был большим спорщиком, сам распалялся и меня заводил. Но приходила Даша, наступало время обеда, и мы как ни в чём не бывало садились за стол. Если бы я знала, что потом мне захочется обо всех этих, совсем не тихих беседах написать! Я бы его лучше расспрашивала и слушала, записывала, а не вставляла свои «пять копеек».

Он был одного года рождения с моим отцом - 1918-го. Мой отец умер, когда мне было 26 лет, и в бесконечной суете и трудах почти ничего не успел рассказать о своей жизни.

Или просто я мало интересовалась. Так вот, Матвей Львович родился и потом ходил в школу в небольшом городке под Киевом. Застал то время, когда министром просвещения на Украине был знаменитый Скрипник, и всех детей в школах обучали на родном языке их родителей - так Матвей Львович освоил идиш. Перед войной поступил в Московский институт связи, потом оказался на фронте, воевал, ушел в запас в звании капитана. После войны жил в Киеве, работал в одном из НИИ, теперь давно пенсионер. Его родные братья и племянники давно, ещё в 70-е годы, перебрались в Америку и Израиль. Они настойчиво звали его к себе, уговаривали переехать, ведь спокойнее и сытнее будет ему жить там. Он категорически отказывался. «Не собираюсь я жить на их подачки!», - заявлял, имея ввиду американские и израильские власти. Так и умер через несколько лет – в своей квартире и в своей постели.

Как сознательные квартиросъёмщики, мы подчинялись строгой дисциплине Матвея Львовича и установленным в его доме порядкам. Всегда ждали дочку и без неё никогда не садились обедать, как бы долго она не задерживалась. «Как же так? – вразумлял меня Матвей Львович. – Хозяйка затратила деньги на продукты, потом готовила обед. А каждый будет приходить на кухню и лезть в кастрюлю половником?» Мы поняли, что обед – это святое: вся семья должна собраться за столом. Время тогда было не очень благополучное, продукты действительно стоили дорого. Когда я покупала кусок сыра, он мне выговаривал: «Сыр сейчас едят только спекулянты». И приводил в пример – немцев! После войны они с женой несколько лет жили в Вене, он служил тогда в военной комендатуре, а снимали они квартиру у одного инженера. Время было голодное, питались только военным пайком Матвея Львовича. И жена того инженера, немка, научила его Фриду Ильиничну, как при минимальном количестве продуктов готовить вкусно и сытно. Подробности рецептов он не помнил, конечно. Но расточительность не прощал никому.

Еще одно правило выполнялось нами неукоснительно: если мы вне дома, в городе, то обязательно должны ему позвонить и сообщить, где находимся и когда придём. Даша выходила из института с экзамена, называла мне только что полученную оценку. Я тут же, ещё в полуобмороке от пережитых волнений, шла к телефону-автомату и докладывала: «Матвей Львович, всё хорошо. Мы сейчас идём в Лавру, часа через три будем». Старик выслушивал, скупое поздравлял и напоследок обязательно предостерегал, чтобы мы «не шатались по городу», а скорее шли домой, он без нас обедать не будет. Конечно, мы спешили к нему, по дороге покупали бутылочку вина.

О чём спорили? Да обо всём. Дед был бескомпромиссным, имел такие радикальные, как мне казалось тогда, взгляды. Мне было очень интересно с ним спорить: житейская мудрость сочеталась в нем с глубокой принципиальностью, и это сочетание вызывало огромное доверие. Матвей Львович так и остался до самых последних своих дней коммунистом, развал СССР считал чудовищной провокацией. А я начиталась всех этих разоблачительных статей – про Ленина, про войну, про советскую власть. У меня был список собственных претензий к советской власти, состоящий пока только из одного пункта, и я его огласила: окончив свою Буранную среднюю школу, я не могла никуда выехать из своего села, потому что жила в «непаспортизированной местности», и мне просто не выдавали паспорта. «А зачем тебе надо было уезжать из своей деревни? Да ты просто дезертир колхозного строя!» Ну, как я должна была на это реагировать? Ведь сам он прожил свою жизнь именно так, без дезертирства: надо было воевать – пошёл на фронт, надо было восстанавливать страну - он работал на строительстве какого-то северного канала; а позвали на старость в тёплое местечко – с негодованием отказался, не захотел быть «нахлебником» в чужом ему государстве. Или – он был страшно недоволен выбранным нами для поступления институтом. Я же была убеждена, что,

получив юридическое образование, а вместе с ним и знание иностранных языков, моя дочь сумеет найти себя в жизни. «Вот-вот! И юриспруденция, и филология! Да Даша ничего толком знать не будет. Какой же из неё выйдет специалист?» Я почти рыдала: «Матвей Львович, да если бы были институты благородных девиц...» И так во всём старик не давал мне спуску. Когда Даша, медалистка и отличница, получила четвёрку на экзамене, он настаивал на апелляции. Но мы не поддались. Когда зашла речь о договоре с институтом, то есть, о платном обучении, старик опять был неумолим: «Никаких договоров! Они все там мошенники». Договор не заключили, наша абитуриентка благополучно поступила по общему конкурсу. Но Матвей Львович и себя ведь тоже не щадил. Заявляет мне как-то утром: «Что-то я веду паразитический образ жизни. Всё, Надежда, сегодня я иду на рынок, и сам приготовлю украинский борщ – ты такой ещё не ела».

Светлая Вам память, Матвей Львович! За те полтора месяца Вы многому меня научили, и в Вас я кое-что поняла. До сих пор не сажусь обедать одна, а всегда терпеливо и безропотно жду мужа. Прежде чем купить сыр, всегда задумываюсь: а честно ли заработанные деньги я собираюсь на него потратить? Эх, Матвей Львович! Да если судить по Вашим самым верным и точным меркам, то спекулянтов сейчас полно, только они стыдливо и лицемерно прикрывают свою паразитическую сущность, называясь то частными предпринимателями, то бизнесменами. «Быть хорошим специалистом» - важно не только для еврея. Этот народ везде был чужаком, не имея своей родины, и, чтобы выжить, действительно по своему мастерству и трудолюбию должен превосходить всех остальных; наши, родные, пусть хоть бездельники и пьяницы, но на своей земле, авось, не пропадут. Не надо загромождать свою квартиру ненужными вещами и одеждой, а тратить деньги только на самое необходимое, и обязательно иметь запас «на чёрный день». Лучше в золоте – занимает немного места, зажал в кулак и пошёл налегке, случись какая беда; ведь его всегда можно продать или обменять при крайней нужде. Вы научили меня спорить, Матвей Львович, не переходя на личности. Именно спорить, а не ругаться и оскорблять друг друга. Вы всей своей жизнью доказали, что оставаться верным своим принципам нужно на деле, а не на словах, - это, конечно же, очень трудно, но и возможно, и что это очень достойно.

...А та книжка про сионских мудрецов бесследно пропала куда-то из квартиры, как будто испарилась. И ведь совершенно точно знаю, что я никому её не отдавала. Да и Бог с ней! Ладно, пусть сионисты управляют себе мировой финансовой системой в своих корыстных интересах. Лично я не против, раз уж им так хочется этим хлопотным делом заниматься. Но есть вещи, которые ни за какую валюту, даже за всё золото мира, - не купишь. Разве не так? И нужно ли все эти вещи перечислять?

...И ВРЕМЯ ПОКОРНО ЗАМРЁТ

Мы подъезжали к нашей станции Базырово. Да это и не станция вовсе, а так, полустанок, разъезд, затерянный в бескрайних оренбургских степях. Поезд стоит тут всего две минуты, и я с детьми заранее вышла в тамбур, чтобы успеть спрыгнуть на родную землю. Проводница открыла дверь вагона, мы со своими чемоданами благополучно вышли, единственные из пассажиров всего этого длинного состава. Валентин уже ждал нас со своим мотоциклом по другую сторону от путей, мы его заметили в окошко тамбура. А поезд всё стоял и стоял, минут пять. Потом тронулся и

стал быстро набирать ход. Мой десятилетний сын решил подучиться, побежал по насыпи вдоль рельсов, как бы соревнуясь, наперегонки с поездом. Я уже взяла в руки чемоданы и вдруг вижу: Алёшка спотыкается о щебень, падает, и вот – голова его лежит на рельсах, и к ней приближается огромное колесо! А я стою в нескольких метрах, наблюдаю и не могу даже пошевелиться от ужаса. Но колесо вдруг остановило своё движение и тоже замерло. Тогда я закричала, швырнула чемоданы и изо всех сил рванулась к сыну. Вытащила! Поезд отправился дальше и очень скоро удалился от полустанка. К нам подошёл Валентин и спросил, почему у меня лицо такое белое. Рассказала ему. Да хорошо ещё, что поезд остановился, иначе бы... Он возразил: «Да поезд не останавливался. Ты что?», - и порекомендовал мне обязательно дома выпить водки, чтобы успокоиться. Оказывается, у меня в ключья разодраны почти новые босоножки и, пардон, лифчик тоже лопнул спереди напополам. У сына же только вся правая сторона лица была в мазуте, но ни ссадин, ни царапин не наблюдалось.

Когда поехали домой, у меня начался озноб, появилась дрожь в коленках, в руках, и зубы тоже стучали без остановки. Мама очень обрадовалась нашему долгожданному приезду, но я сразу же пресекла все разговоры и расспросы, попросив у неё водки. Бедная моя мама не сразу догадалась: «Наденька, так ведь сейчас сухой закон. Была у меня одна бутылка, но я её отдала, за зерно». Мама, иди к соседям, возьми в долг, только найди где-нибудь, пожалуйста. Она вышла со двора и очень скоро вернулась с бутылкой «Пшеничной». Мы сели за стол, и Валентин заставил меня выпить сразу целый стакан. Выпила спокойно, даже вкуса не почувствовала. Потом расплакалась и перестала дрожать.

Мы пробыли тогда у мамы больше месяца. Утром она вставала очень рано, надо было подоить корову и отогнать её в стадо. Закрывала ставни на окнах, чтобы солнышко не мешало нам спать. Мы вставали часов в девять, завтракали оладушками с какао. Каждый день ходили на озеро купаться, причём, босиком – песок с утра прогревался градусов до пятидесяти, и эта процедура закаляла нас, мы потом целый год не болели. А я всё думала и думала. Как же так? Валентин утверждает, что поезд не останавливался. Но я совершенно отчётливо помню, как он остановился, как чёрное железное колесо перестало вращаться и стояло на одном месте, почти касаясь волос на Алёшкином затылке. Три-четыре секунды это продлилось, не меньше. Но если поезд не останавливался, тогда что – ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ? Иначе я никак не успела бы пробежать эти десять шагов, нагнуться над рельсами, схватить за голову Алёшку и вынести его из-под колеса. А кто его остановил? Почему и для чего? Наверное, сам Ангел Господень пришёл ко мне на помощь и сделал такой щедрый подарок. Ведь больше некому было совершить это чудо. Да, но за какие же заслуги? Никаких особых заслуг у меня не было, это я наверняка знала. Тогда, может - авансом?

Эти некрасовские строки: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», - стали уже крылатой фразой. Но я возьму на себя смелость поспорить с любимым поэтом. Да любая женщина, не только русская, в неосознанном мощном порыве самоотверженно пойдет на любой подвиг, если надо спасти жизнь своего ребёнка: природа постаралась и дала нам великий материнский инстинкт. Войти-то она, конечно, войдёт в эту «горящую избу», а вот выйдет ли из неё – живая и здоровая? Какая-то высшая сила часто приходит нам на помощь: останавливает на несколько секунд время или бешеный галоп разгорячённого коня. Но - не всем и не всегда. И как тут понять закономерность, выяснить, почему одним всё-таки помогает, а другим - нет? Вот это оказывалось уже выше понимания, по крайней мере, моего. «Яко по неисповедимой милости Твоей...». Просто надо жить по совести, наверное, не творя зла. Любить людей и не роптать. И

наше доброе сердце всегда само поможет нам в трудную минуту, соединившись с благими силами небесными. Ведь у нас, у всех без исключения, есть главное чудо и сокровище – жизнь. А тот Ангел-Хранитель уже и не покидает меня с тех пор, я всегда чувствую его присутствие. Может быть, прежде я его просто не замечала? Правда, очевидных, «базыровских» чудес с остановкой времени больше не происходило. Вот и сейчас он стоит за моей спиной, читает, что я тут написала. Надеюсь, что при этом улыбается.

КОРОЛЬ

Он не входил, а врвался в нашу комнату на первом этаже общежития, как ураган - огромный, рыжий, шумный: «Ну, налево-королева!». Энергия бурлила в нём через край, просто термоядерный реактор, а не человек. Лёшка Молчанов, мой земляк из соседней деревни, а теперь студент Горного института. Все мои подруги были в него немножко влюблены, но он отдавал предпочтение Ольге. Увидев её, сразу затихал, брал её красивую ручку с безупречным маникюром в свою огромную лапищу, гладил, смотрел на мою подругу с обожанием и картинно вздыхал: «Ах, Ольга...». Это стало уже как бы ритуалом. У Оли был жених, красавец блондин с нашего факультета. У Лёшки тоже была невеста, его одноклассница, которая училась в Москве. Так что эти сцены с вздыханиями были чисто платоническими, никакого продолжения за пределами комнаты не имели. Но всё равно были трогательными, без шутовства. Да он всё так делал – шумно и весело.

Мне казалось, что я знала про него всё. Из многодетной семьи, родился пятым, «последышкой», когда его матери было уже далеко за сорок. С учителями в школе ему крупно повезло, две Лидии Васильевны – Буянова и Гардер, эти сельские подвижницы, не только привили ему любовь к русской литературе, но и духовно воспитали его. Все каникулы работал в колхозе, у него трудовая книжка появилась чуть ли не десяти лет от роду. После школы пошёл в армию, оттуда романтика дальних странствий позвала в Горный институт. Он мне рассказывал, как «завалил» химию на вступительных экзаменах. Но не сдался и не дрогнул, а просто, долго не раздумывая, подал заявление на апелляцию. Ходил на приём к ректору в своей солдатской гимнастёрке: все погоны – в лычках, вся грудь – в значках. И убедил-таки строгую комиссию, что уж на «тройку» школьный курс химии он, конечно же, знает. В нашей комнате устраивал небольшие лекции про «петрографию», «тектонику» и прочие загадочные вещи, про которые мы, студентки-гуманитарии, готовы были слушать часами.

Лёшка всегда пышно и торжественно отмечал свой день рождения 30 марта. Нет, не в ресторане. А на горе Волчихе под Свердловском. Мы садились в электричку, он с друзьями нёс огромные рюкзаки. Уезжали далеко от города. Потом долго шли пешком. Мартовский снег уже был тяжёлым, плотным, мы пробирались по нему цепочкой, след в след, впереди вместо бульдозера прокладывал путь неутомимый именинник. Уже затемно ставили палатку, ели чуть разогретые на костре сосиски и валились спать. Только чуть развиднялось, Лёшка уже был на ногах, самый первый. Жарил на вертеле гуся, которого матушка неизменно каждый год высылала ему посылкой на день рождения - больше ничем своему сыночку она помочь не могла. Как-то на пятом курсе от неё неожиданно пришёл перевод на двадцать рублей. Лёшка их не тратил, ждал дальнейших указаний. Потом выяснилось, что матушка просто продала шерсть от овец, эту

незапланированную прибыль и выслала студенту: авось, ему пригодится. Так вот, мы выползали из палаток, умывались снегом, садились за роскошный завтрак. Уж не помню, было ли там спиртное. Скорее всего, что не было. С Лёшкой в комнате жили замечательные парни, настоящие «технари», и они тянулись к нам, «гуманитаркам», таким утончённым и непохожим на их однокурсниц. Весь день мы дурачились, фотографировались, лазали по горам. Возвращаясь к себе в общежитие, еле держались на ногах от усталости.

Мы с ним вместе часто ездили домой на каникулы. Выражение «каменная стена» – это про Лёшку. С большим трудом покупали билеты в общий вагон, кое-как впихивались в него, он меня забрасывал на вторую полку, где я благополучно спала, а он в течение всей ночи мог запросто простоять в тамбуре. Спустя сутки, приезжали вечером в Оренбург. Он быстренько договаривался с машинистом какого-нибудь попутного товарняка, и мы в кабине тепловоза доезжали до нужной нам железнодорожной станции. В общем, я полностью полагаюсь на него, совершенно ему доверяя. И ни разу не пожалела об этом.

«Ступая в жизнь, мы быстро разошлись», - это и про нас написал Пушкин. Он со своей женой Светланой уехал по распределению в Находку – просто дальше этой точки уже некуда было ехать. А я – к своему мужу, а потом с мужем по всему белу свету. Больше тридцати лет я о нём почти ничего не слышала. И вдруг раздался «гром небесный телефонного звонка» – вот, он в Молдавии, недалеко от нашего города. Да приезжай же скорее, как я тебе буду рада, Лёшка! Он приехал. Со своей новой женой, Томой. Со Светланой они развелись, прожив вместе двадцать лет и родив троих детей. Он уже и не рыжий, а весь совершенно седой. Плечи немножко опустились. Но по его жёсткой и резкой манере управлять своей машиной, по размерам напоминающей паровоз, я поняла, что термоядерный этот реактор ещё далеко не устарел - ни морально, ни физически. Не было в нём и «уверенности сытой», этаким бравады своими возможностями и достижениями.

Мы гуляли по нашему городу, особенно красивому летом и облагороженному по случаю недавнего 600-летнего юбилея. Я узнавала и не узнавала друга своей юности. Он и в молодые годы не отличался деликатностью, а тут я услышала от него столько резких и категоричных оценок. Когда грянула перестройка и Дальний Восток оказался всеми забытым краем, Лёшка, плюнув на геологическую романтику, просто решил спасти свою семью и переехал в никуда, а именно в Ленинград-Петербург, где начал жизнь с чистого листа. Его деятельная натура и тут нашла применение, в «лихие» 90-е он чем только не занимался, кроме криминала, конечно, чтобы прокормить свою немалую семью. О причине развода с женщиной, которую он любил, по его же собственному утверждению, с шести лет, я не стала допытываться. Дело житейское: скорее всего, просто разлюбил. И вот теперь он основался в Подмоскovie, опять что-то бурит и опять в который раз начал свою новую жизнь практически с нуля. Детей не бросил, нет. Вот ко мне заехал из Севастополя, где служит его младший сын Иван. Построил себе большой дом, с баней и погребом. Они с Томой почти и не бывают вдвоём, у них всегда кто-то гостит из многочисленной родни.

За те несколько часов в нашем городе мы не успели как следует пообщаться. Но я всё-таки поняла главное: мне думается, что если и жива ещё Россия до сих пор, то благодаря таким вот мужикам, как Лёшка Молчанов. Которые вопреки всем не то что неблагоприятным, но даже и враждебным обстоятельствам, в условиях почти

невыносимых для нормальной жизни нормального человека – всё-таки выжили, сохранили трезвым свой ум, не потерялись и не озлобились, нашли применение своим рукам, не запятнали свою совесть грязными и прибыльными делишками.

...Накануне Рождества он позвонил и пригласил на свой 60-летний юбилей. Ольгу прекрасно помнит, попросил номер её телефона. Вечером позвонил ещё раз и доложил: вот, поговорил с Ольгой и сказал ей, что любит её по-прежнему.

«СОБОРНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Так называется у нас остановка общественного транспорта, где мне часто случается бывать. В нашем городе маршрутки ходят, как попало. Приходится ждать очень долго, особенно «семёрку». Из центра города только на ней и можно добраться без пересадок до моего дома. Ноги устали, в руках покупки – деваться некуда, вот и приходится терпеливо стоять. Коротая время, наблюдаю за такими же, как я, пассажирами. Слева от меня поджидает троллейбус одна немолодая пара, явно из вымирающего класса интеллигенции. Она – очень ухоженная, одета в строгую кримпленовую юбку и элегантную польскую блузку, что было в моде лет тридцать назад. Он тоже одет далеко не по последней моде, из очень старых запасов, но все вещи добротные, аккуратные. У мужчины в руках два больших полных пластиковых пакета. Жарко. Женщина осторожно расстёгивает верхнюю пуговицу на его рубашке, поправляет воротничок, подворачивает манжеты на рукавах. И столько заботы, столько нежности в каждом её плавном и лёгком жесте, что хочется смотреть и смотреть на эту картину. Они оба молчат, но как будто разговаривают - одними глазами. Она: «Ты устал, да? Тебе жарко?». Он: «Ничего страшного, дорогая!». Начинаю припоминать, когда же мой муж смотрел на меня так? Когда я последний раз говорила ему, что люблю его?

А вот мама с дочкой. Мама – обыкновенная крестьянка, с натруженными руками и с «парашютом» за плечами – так у нас горожане называют эти гуцульские домотканые сумки-торбы, с широкой не то ручкой, не то лямкой. А доця – одета по последней китайской моде и на высоких каблуках. Я давно заметила, что окончившие сельскую школу девочки, приезжая в город учиться, очень любят или, как у нас говорят, «полюбляют» высокие шпильки. Воплотив эту свою детскую мечту, они годик-другой ещё помучаются, пока их совсем не сносят, и потом уж покупают себе более практичную и удобную для городских дорог обувь. Так вот, заметно, что мать с дочерью препираются. Причём, дочка смотрит на мать как-то сверху вниз, и не только по причине каблуков, хоть и называет мать на вы. Часто отворачивается, как будто делает вид, что мать ей незнакома. Стыдится? Наконец, они как-то робко обращаются ко мне, показывают рецепт и спрашивают, как добраться до психиатрической больницы. Так вот в чём дело! Психушка – это же ужас какое страшное и позорное место! Города они не знают, поэтому приходится долго объяснять. Дочка всё время одёргивает свою мать, прерывает, раздражённым тоном делает замечания: «Мама, ну что вы...». Ах, ты, дурочка! Откуда в тебе столько пренебрежения к родной матери? Может быть, потому, что она не может обеспечить тебя всеми атрибутами городской жизни, этими модными телефонами-сумочками-джинсами? А тебе их так хочется иметь? Ещё бы! Реклама вместе с производителями ширпотреба своё дело хорошо знают. И ведь совершенно понятно, что твоя мать, как та евангельская вдова с двумя лептами, отдала тебе всё, что смогла отдать, и даже больше, чтобы ты выглядела «не хуже людей». А тебе всё равно мало?

Обидно за вас обеих, милая девочка. Очень хочется, чтобы ты поняла кое-что важное в этой жизни, пока твоя мать ещё жива.

Напротив остановки наш красивейший кафедральный собор. Служба только что закончилась, из него с толпой выходит симпатичная компания – бабушка с двумя внучками лет пяти-шести. Девчушки чудо как одеты, не по-здешнему. Роскошные, цвета василька бархатные юбочки с рюшами и оборками, из-под которых виднеется белое шитьё, такие же жакетки, белые туфельки с бантиком на ногах и белые кружевные шляпки на головах. Просто ожившие старинные открытки! С бабушкой я «шапочно» знакома, она живёт в нашем микрорайоне. Мы здороваемся, я делаю кучу восхищённых комплиментов её девочкам. Оказывается, это мамы их так наряжают. Дочери её уже несколько лет безвыездно живут в Италии, на заработках. С девочками общаются только через скайп. Дочки очень по ним скучают, не понимают, почему их мамы так далеко и всё не возвращаются. Бабушка едва сдерживает слёзы. Вот как... Мне думается, что, живя в нашем городе, мамы вряд ли купили бы своим дочкам эти великолепные наряды. И не только потому, что таких у нас не продают. Нет, в них, в этих нарядах, что-то гораздо большее, чем их красота – тут и вся любовь к дочкам, вся нежность и тоска, как будто матери просят у них прощение за своё отсутствие.

Долго жду я эту самую «семёрку». К остановке приближается молодая семья. По одежде и по какой-то растерянности на лицах сразу видно, что они только что приехали из села. Симпатичный мужчина, но инвалид, передвигается с трудом, наверное, страдает полиомиелитом. Его жена, молоденькая, белобрысенькая, в какой-то несвежей футболке. Девочка лет трёх с гипсовой повязкой на правой руке. Тяжёлые сумки несёт женщина, которая встаёт ко мне спиной, освобождается от поклажи, и её поникшие плечи и голова выражают полную покорность. Муж что-то выговаривает жене и смотрит на неё с такой глубокой злобой и ненавистью, что я внутренне содрогаюсь. Мне не слышно, о чём они говорят. Мужчина поднимает голову, и мы встречаемся взглядами. Он понял, что я за ними наблюдала, и что-то прочитал в моих глазах. Сразу перестаёт говорить, отходит в сторону и закуривает. Ну, девушка, держись! Дома, без свидетелей, ты получишь сполна! Когда подошёл троллейбус, мужчина пропустил-таки жену с дочкой вперёд, даже сумки у жены отобрал. Может, он и не такой уж законченный тиран?

Но вот наконец-то показывается и моя долгожданная оранжевая «семёрка»! И как всегда - почти пустая. Когда с удовольствием опускаюсь на сиденье и автобус набирает скорость, то почему-то начинаю жалеть всех, кого встретила сегодня на этой остановке. Даже того «тирана». Жену его тоже жалко, но на её стороне добродетельная терпеливость и смиренность. А что делается в душе её разгневанного супруга, каким ядом эта злоба отравляет ему жизнь?.. «Дешёвая модница» чувствует себя униженной и оскорблённой рядом со своей полунищей матерью, а разодетые как принцессы девочки тоже несчастны и страдают как раз оттого, что разлучены со своими матерями... И существует ли вообще на белом справедливость?

Всё, на сегодня хватит. Какое мне дело до этих чужих, случайно встреченных на городской остановке людей? Вот приду домой, включу музыку и буду слушать, не думая абсолютно ни о чём. Если получится.

Но из головы всё не выходит вот эта красивая пожилая пара. Мне кажется, что они как будто и не от мира сего. Спокойно живут себе среди нашей каждодневной суеты, озаря тихим светом своей вечной любви и этот рассказ, и нашу жизнь. Так поблагодарим же их за этот свет.

«ВСЮДЫ БУЙНО КВИТНЕ ЧЕРЕМШИНА»

Самый любимый мой праздник – это 9 Мая. В этот день я всегда испытываю абсолютное счастье. Наверное, это ощущение по генам передалось мне от моего отца-фронтовика, который нечто подобное испытал в тот миг, когда узнал, что проклятая и ненавистная война закончилась. И хоть его уже нет на свете больше тридцати лет, я праздную этот день вместе, вместе с ним, а не вместо него.

Итак, нужно надеть всё самое лучшее и светлое из того, что есть в нашем гардеробе. И обязательно туфли на высоких каблуках, они как-то сразу настраивают на торжественный лад. У нас в городе три места связаны с Днём Победы: в 9 часов утра начинаются торжества на Соборной площади у памятника Солдату-освободителю, в десять – на Русском кладбище у братской могилы, а в одиннадцать часов – в парке у памятника генералу Боброву, чья дивизия освободила наш город. Мы идём в парк. В десять часов там уже многолюдно. Духовой оркестрик из студентов музыкального училища наигрывает марши и песни военных лет. Ветераны, студенты, дети – все смешались в одной - нет, не толпе, в одной братской общности людей. Потом идут речи, поздравления, залпы, возложение венков и цветов, прохождение строем наших доблестных пограничников, военных лицеистов... Люба хочет положить цветы к памятнику одинокого солдата, тут же, в парке - о нём почему-то всегда забывают. Мы с ней идём по росистой траве. Люба кладёт цветы, три раза крестится и кланяется солдату.

Ни с кем особенно не договариваясь, мы всегда без труда находим своих друзей на прежнем месте – на газоне прямо напротив памятника, около летнего театра. Недалеко от нас стоит, опершись на костыль, очень старенький и очень живописный ветеран – весь в медалях. С ним все хотят сфотографироваться как с живым музейным экспонатом. Когда на него наводят объектив фотоаппарата, старичок мгновенно преображается: расправляет плечи и поднимает подбородок – знай наших! Фотографируется он долго и терпеливо, и заметно, что уже порядком устал. Дедушка, да неужели ты тут один? Нет, неподалёку стоит молодой парень, это его внук, сейчас он отвезёт дедушку домой.

Сначала мы обязательно занимаем очередь за солдатской кашей, хоть нам ещё ни разу так и не удалось её попробовать. Потом идём в летнее кафе, с трудом находим свободный столик. Две виноградных лозы толщиной с хорошее дерево растут прямо у входа, её ветви образуют крышу этой кафешки. От столика к столику передвигаются «музыки» – три мужичка с баяном, барабаном и трубой. Выступление своё они неизменно начинают с «Прощания славянки». Вот только что они отыграли зажигательную молдавскую мелодию, потом душевное софие-ротаровское – «Всюды буйно квитне черемшина», а возле нашего столика вдруг грянула знаменитая «Мурка». Ну, как они догадались, что я родом из России? Вот хулиганы! Ладно, примите плату и от нашего столика. Слева от нас всегда занимает длинный стол одна и та же компания мужчин, по выправке которых в них сразу же угадываются бывшие военные. И это старые знакомые. Как они поют! С таким лёгким куражом, сдержанно и с удовольствием, почти профессионально. Чувствуется, что немало было у них репетиций и застолий. Каждую песню знают от начала и до конца. Вот, зазвучала моя любимая: «Здравствуйте, дачники! Здравствуйте, дачницы! Летние манёвры уж давно начались...». Это отставники, преподаватели военной кафедры нашего университета. После каждой песни им аплодируют, благодарят и ещё больше вдохновляют.

По традиции первый тост – за Победу, третий – за всех погибших. И вот после третьей рюмки и где-то до шестой – самое блаженное время. Никто ещё не пьян, а только в весёлом возбуждении. Слушают друг друга, не перебивают, каждому хочется рассказать о своих родителях, которые воевали. Почти наизусть знаю эти истории – кто где воевал, кто где погиб. Но всё равно интересно. Шурик почему-то часто куда-то ненадолго отлучается. Оказалось, рядом, в палатке для ветеранов, находится его бывший тесть, отец первой жены, Василий Иванович. Шурик за него сегодня отвечает, поэтому часто наведывается в ту палатку. Уже всё выпито и съедено, а уходить не хочется. Но – пора. Шурик должен отвести тестя к своему сыну, чтобы тот увидел, наконец, собственную годовалую правнучку, а потом его нужно доставить к трём часам домой, куда придут гости. Уходим. Я подхожу к своему любимому мужскому хору и от всей души благодарю за великолепный концерт. Хористы уже изрядно навеселе, они все одновременно пытаются с гусарской лихостью поцеловать мне руку.

От кафешки до выхода из парка идём почти целый час. Мужчины без конца встречают кого-то из своих знакомых, сослуживцев, подолгу и громко разговаривают. Мне знаком только Васин друг, его однокашник по Суворовскому училищу. Он пришёл один. Его старики-ветераны остались дома: отец почти совсем ослеп, а мать сильно болеет. Прекрасно помню его матушку-фронтвичку, помню даже анекдот, который она нам с Любой как-то здесь рассказала и который не смогу повторить при мужчинах. Жалко старичков. Привет им и поздравление. Мы вдвоём с Василием Ивановичем терпеливо ждём. Василию Ивановичу в декабре исполнится девяносто лет, это аккуратненький худенький старичок, много лет проработавший в нашей милиции криминалистом. Он в обыкновенном сером костюме, без регалий. Нет, на здоровье не жалуется. Мне кажется, что он добрый и хороший человек. Наконец-то наша толпа собралась и направилась по улице Боярко. Вот и дом Шурикиного сына. Нас проводили в беседку, сейчас принесут кофе. А правнучка Василия Ивановича болеет, вирус какой-то. Она сидит на руках своего отца и тихонько хныкает. Мой муж настаивает, чтобы мы не злоупотребляли гостеприимством и поскорее ретировались: ни к чему больной девочке и её родителям компания подвыпивших людей.

Идём дальше по весенней улице, где аромат цветущих каштанов и акаций перемешан со свежестью влажной земли. Всех встречных поздравляем с праздником, нам в ответ улыбаются и тоже поздравляют. Вот ещё одна кафешка – пиццерия. Какие-то хмурые парни, вальяжно развалившись на стульчиках, пьют пиво. И вас с праздником, ребята, с Днём Победы! В ответ – угрюмое молчание. Эх вы! Мы располагаемся, сдвинув два столика. Пока готовится эта заморская снедь, наши мужчины говорят наперебой. Выслушиваю всех по очереди. Они афганцы. Валентин рассказывает байку, как один ротный в их полку имел прирученную гюрзу, которая вместе с ним спала в его постели. Что-то не очень верится. А не было ли у этой самой гюрзы ног и, случаем, не Галей ли её звали? Валера вспоминает, как он с бойцами пошёл в разведку и наша авиация чуть не накрыла их ракетами, приняв за душманов. Как хотел поднять с земли своего бойца, надеясь, что он только ранен, а у того вместо спины -... Валера плачет. Василий молчит, он никогда ничего о той войне не рассказывает. Артиллерист Валентин хвастает, сколько снарядов одновременно мог выпустить его дивизион. А сколько же стоил один такой снаряд? – интересуются дамы. Начинаем пересчитывать это всё на тогдашнюю цену «Жигулей» - получается много, очень много наших малолитражек разбилось об афганскую землю.... Наши ветераны, только не Второй Мировой, а другой войны - в Афганистане, несколько раз пытаются спеть «Марш артиллеристов», тот самый, где «Сталин дал приказ...». Но у них ничего не получается, и они покорно замолкают.

Уже вечереет, пора и на отдых. Дома я пью чай, сажусь за компьютер и пытаюсь передать словами радость этого длинного дня. Эйфория постепенно улетучивается, как пузырьки из шампанского. В голову приходят совсем другие, непрасудничные мысли. Вот и ещё один День Победы миновал. Сколько их ещё осталось мне отпраздновать? И почему каждое поколение наших людей имеет свою войну – Великую Отечественную, потом в Афганистане, совсем недавно - Чеченскую? И неужели нашим внукам тоже придётся с кем-то воевать «за слёзы наших матерей», как поётся в том старом марше? Чья злая воля заставляет нас проливать свою и чужую кровь? У меня нет ответов, и я долго не могу уснуть.

ЗОЛОТОЙ СЛИТОК

Эта история началась давно, почти семьдесят лет назад. Мой отец всю войну прослужил на Дальнем Востоке - японцы угрожали нападением на Советский Союз и Верховный Главнокомандующий держал на границе мощный резерв наших войск. Осенью 1941 года, когда враг подошёл вплотную к Москве и к ней стали направлять знаменитые сибирские дивизии, папина часть тоже была погружена в теплушки для отправки на фронт, но в последний момент приказ почему-то отменили. А 9 августа 1945 года пришёл черёд повоевать и моему отцу, когда наши войска вступили на территорию Маньчжурии, чтобы разгромить Квантунскую армию. Он был артиллеристом, старшиной противотанковой батареи, прошёл Гоби и Хинган. Мне кажется, однажды его лицо мелькнуло на несколько секунд в одной старой военной кинохронике: до предела уставший и очень похожий на молодого отца солдат, опершись руками на огромное колесо пушки, помогает коням вытаскивать орудие из глубокой грязи. Может, я ошибаюсь. Отец рано умер, и про войну не любил рассказывать. Сейчас я понимаю, почему: воспоминания были совсем свежими, кровотоющими, и они слишком больно бередили душу. Воевал, наверное, хорошо. Помню, как мы, совсем маленькие, играли его орденом Славы в красной коробочке. Только один случай из его войны я знаю и передаю своим внукам.

Эпизод этот вспомнился моему отцу спустя почти тридцать лет в городе Орске, куда он приехал, чтобы забрать к себе домой свою дочь с внучкой. В её семье был разлад. Молодые, горячие, никто не хотел уступать: кто коса, кто камень? Решили развестись. Папа приехал на поезде поздно вечером. Он увидел в коридоре упакованные Ниной вещи, с горечью выслушал обе стороны конфликта. Отец не любил, как он выражался, «рассусоливать», то есть, много и попусту говорить. Развод – значит, развод. Обратный поезд шёл только рано утром. Так что им всем вместе пришлось провести одну бессонную ночь. Утром, перед дорожкой, все собрались за чаем. И отец рассказал. Как в безводной и дышащей зноем пустыне Монголии, в каком-то заброшенном буддийском монастыре, нашёл он слиток чистого золота, величиной с детскую головку. Спрятал и хранил у себя в вещмешке несколько недель это бесценное сокровище, намазав его оружейным маслом для маскировки. А потом потерял, сам не зная где и каким образом. И как долго и страшно сокрушался по этому поводу. Забегая вперёд, скажу: ну и слава Богу, что потерял. Что отец мог потом с ним сделать? Продать? Вернее всего, эта пропажа попросту уберегла его от тюрьмы, ведь время тогда было суровое. Может, золото само и сбегало от него, такого неискушённого деревенского парня и далеко не остапо-бендерского роду? Но и навсегда утерянный, этот кусок благородного металла всё-таки сослужил свою верную службу, оказался поистине бесценным душевным

сокровищем, переместившись в тонкие материи и отлившись в золотые слова. Так вот, отец сказал своей дочери и зятю за тем утренним чаем, что не жалеет об утрате того куска золота так, как жалеет сейчас о том, что распадается их семья. И всё. Нина заплакала, Валентин вышел из-за стола, а папа уехал домой один. Это кто там поёт с пафосом: «Люди гибнут за металл!»? Нет, в нашем случае никто за него не погиб. Скорее, совсем наоборот. Нина с Валентином благополучно живут до сих пор, вот уже больше сорока лет они вместе. Хорошая семья. Я им немножко завидую.

Вчера я разговаривала по телефону со своей невесткой. Вообще-то мы с ней мало общаемся, и я не вникала в их отношения с моим сыном, наивно полагая, что они люди взрослые, вменяемые и что всегда смогут договориться друг с другом. А тут как плотину

прорвало, обрушился шквал недоразумений и обид: «Всё!.. Больше не могу!..» и прочее. Я не умею как папа – без лишних слов. Поэтому говорили долго, почти целый час. И вдруг вспомнился тот «орский эпизод» с моим отцом, плачущей сестрой и куском золота, на самом деле оказавшимся дешевле простых семейных ценностей. Не удержалась и рассказала о том случае в телефонную трубку.

Многоуважаемый слиток чистого золота величиной с детскую головку! У кого из смертных ты сейчас находишься, и в каких хранилищах тебя сберегают? Побывший так недолго в руках моего отца и потерянный им в горячих монгольских песках, ты однажды уже совершил чудо, спас одну хорошую семью от разрушения. Пожалуйста, помоги и теперь - внуку того русского солдата.

Помоги ещё раз

МИР-ДРУЖБА-ЖВАЧКА!

- Какое это всё-таки ужасное русское слово – лагерь. У нас что, ГУЛАГ здесь? А вы всё время его повторяете и повторяете, - ворчал наш завхоз. Он был из местных и живую русскую речь слышал, наверное, только по телевизору.

- Ой, а по- украински как будто лучше? Табир! Это же цыганский - табор, - парировала я.

- Давайте-давайте, метите. Эти уже скоро приедут, мир-дружба-жвачка, - мой коллега по работе Татарский не принимал участия в общих хлопотах, просто сидел на лавочке и наблюдал.

Лагерь был уже и не пионерский, без галстуков и без всей этой соответствующей атрибутики. Находился он на живописном берегу Днестра, окружённый лесом и ржаными полями. Жизнь тут была довольно скучная, несмотря на активность пионервожатых и множество ежедневных мероприятий. Потому что широкий величавый Днестр был для деток недоступен из-за сильного течения, крутого обрыва и глубины. Да и перестраховки взрослых, конечно. И даже небольшой бассейн с обильно хлорированной водой не мог компенсировать эту главную детскую мечту.

Советскому Союзу оставалось жить несколько месяцев. Но «тлетворное влияние Запада» уже проникло в души наших детей, вернее, в их рты проникло – в виде вожделенной жвачки. Привозили их огромными тюками из Польши, такие маленькие

кирпичики, в виде ирисок, каждая завернутая в самые разные красивые фантики с картинками. Вот эти фантики-то как ра в души и проникали. Их ни в коем случае не выбрасывали, а бережно разглаживали не сильно разогретым утюгом, коллекционировали, обменивались ими, как филателисты марками, игры даже какие-то были, типа «Угадай».

Но предчувствие моего коллеги Татарского не подвело, только вот его единственного и не подвело: кто и в какие времена прислушивался к этим самым Кассандрам? Но об этом чуть позже. Однообразие нашей лагерной (или всё-таки таборной?) жизни нарушила сногшибательная новость: к нам едет американская делегация, как раз в их национальный праздник – День Независимости. Состав делегации, цели её – ничего этого директор не сообщил, так как и сам толком не знал. Сказал только на общей линейке, что завтра приедут. А у нас ведь перед приходом гостей главное что? Правильно: уши с шеей помыть. Да угощение приготовить, причём, в таком количестве, что «лучше уж пусть лишнее останется...». Воспитатели были откомандированы на кухню в помощь поварам, завхоз весь в мыле целый день куда-то ездил и что-то привозил в ящиках, ну, а пионервожатым с детьми была поставлена задача: чтобы всё блестело в корпусах и вся территория вокруг была вылизана.

- Едут! – раздался восторженный детский вопль. В ворота осторожно въехало двухэтажное космическое создание. Вышли делегаты – все молодые, в шортах и кроссовках, с фотоаппаратами и кинокамерами. Гостеприимство хозяев не знало границ. Дети окружили их, брали за руки, заглядывали в глаза. Наши пионервожатые, студентки университета, все с лёгким макияжем и золотыми украшениями, в самых красивых летних сарафанчиках своих, сразу отметили про себя и приосанились: парни американские - что надо, высокие, улыбчивые, а вот девушки – так себе, невзрачные какие-то, без косметики, одеты, как парни, в «унисекс»

Короче говоря, мы в грязь лицом не ударили. Всё показали, песни им спели, сувенирчики подарили, в столовой как следует накормили. Они тоже нам спели – свой Гимн, положи правую руку на сердце, проникновенно и безо всякого пафоса: «Америка, Америка...». Потом ещё дискотека была. Белозубый красавец Джон пользовался всеобщим успехом, как и наши молоденькие пионервожатые. Дети вообще были в полном восторге: ещё бы, такая встреча с самыми настоящими американцами, а они все такие простые и доступные, только по-английски говорят непонятно, совсем не так, как в школе учат.

После обеда делегаты засобирались, стали заходить в свой двухэтажный автобус, который стоял ещё несколько минут под парами – так затянулось дружеское прощание. Вот, фыркнул и поехал, медленно-медленно. И наступил момент истины для вещего Татарского нашего, а для всех остальных взрослых полный шок и остолбенение. Приветливые руки из окон автобуса вдруг начали метать на пыльную дорогу жвачки и мелочь какую-то. И какой должна быть первая реакция здоровых детей? Совершенно верно: они все до одного наперегонки кинулись под колёса автобуса поднимать эти самые брошенные предметы. А фотоаппараты наших гостей щёлкают и щёлкают, а кинокамеры жужжат и жужжат... Этот кошмар длился не больше одной минуты, потом автобус резко набрал скорость и скрылся за поворотом. Вот такая провокация с одной стороны – и полный конфуз с другой. Нет, не просто конфуз. А унижение, стыд и позор великий. Белозубый американец Джон, ответь мне честно, пожалуйста, хоть теперь, спустя двадцать четыре года: ЗА ЧТО? Вопрос ПОЧЕМУ? меня тоже долго волновал, но на него, спустя годы, я ответ всё-таки нашла. Мы для вас, таких успешных,

благополучных и наивных, были просто маленькими несчастными дикарями в какой-то далёкой и малоинтересной Ukraine, и улыбки ваши являли собой лишь обыкновенную дипломатичную снисходительность, а мы по своей неискущённости приняли их за искренность.

...А ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ!

Острословы утверждают, что самые болезненные дети у докторов, а самые невоспитанные – у педагогов. Наверное, действительно, есть такой профессиональный дефект, когда на собственных детей уже не остаётся ни сил, ни времени. А если всех этих отпрысков завучей, учителей, директоров школ собрать вместе, человек триста, посадить в поезд и отправить за восемьсот километров от дома - к морю? Лето, солнце, свобода! Просто замечательно! Только я за эти отнюдь не скучные тридцать дней похудела килограммов на пять и первый раз в жизни ощутила, каково это, когда зуб не попадает на зуб, а руки и колени дрожат так, как будто ты прислонился к оголённому проводу под напряжением. А уж про то, как мои подопечные, оказывается, по ночам бегали купаться в море – какой ужас! - ныряли с высокого обрыва – кошмар и ужас! - я вообще узнала только в поезде по дороге домой.

Это была база отдыха Львовского лесотехнического института под Одессой, и в июне, когда студенты и преподаватели были заняты экзаменами, её отдавали детям работников просвещения под лагерь. То есть, там не было корпусов, а просто стояли улицами в ряд деревянные колыбы на пять человек каждая. Первая улица, шесть таких домиков – это и было место дислокации моего отряда номер один, подростков от 14 до 16 лет, самых старших в лагере. Работая в начальных классах, для которых учитель – царь и бог, я сначала растерялась. Оказалось, что для моих новых воспитанников никакой я не «авторитет», а обыкновенная «училка». Но решила держаться с ними на равных, избегая панибратства. Я давно заметила, что школьники очень чутки на фальшь и неискренность, они простят учителю излишнюю строгость, но никогда не простят несправедливость, равнодушному педагогу они в лучшем случае ответят той же монетой, но главное всё-таки – дети интуитивно чувствуют и твёрдо знают, любит их учитель или нет.

Итак, утренний подъём и физзарядка. Я бегала от колыбы к колыбе по своей улице, тормошила, заставляла, уговаривала, сдёргивала одеяла, за руки стаскивала с кроватей. И всё-таки на одну девочку педагогического таланта у меня так и не хватило: она всю смену лениво и апатично пролежала на своей кровати, и не то, что на зарядку ни разу не вышла, но и на море была всего пару раз, отрывая голову от подушки лишь тогда, когда надо было идти в столовую. Что это? Психическое отклонение? Зигзаг переходного возраста? Был ещё такой влюблённый по имени Вася, рыжий, высокий и нескладный. Однажды утром мы обнаружили, что все до одной розы на клумбах исчезли и оказались у кровати предмета его страсти – девочки балетной внешности, знающей себе цену. Она принимала Васины знаки равнодушно, позволяла ему себя любить, хотя всем свидетелям этого романа было очевидно, что они совсем не пара. Прямо как в том старинном романсе: «Вы мной играете, я вижу, смешна для Вас любовь моя...» Вот, стоим мы ночью с нашим физруком возле колыбы и знаем точно, что находятся там сейчас наши Вася и его девочка, совсем одни. И никакая сила не может заставить нас преодолеть собственный стыд, войти, посветить фонариком, всё увидеть и разоблачить.

Но отряд всё-таки сложился. Целую неделю мы репетировали, готовились к конкурсу инсценированной сказки. Взяли «Золушку» и решили поставить её по-взрослому, в современной интерпретации. На костюмы пошли простыни, а тапки и ведра – на остальной реквизит. Сказка получилась очень весёлой, остроумной, дети играли свои роли с удовольствием. Заняли первое место, получили главный приз – вишнёвый компот в банках. Куда там малышам!

А потом утомлённый солнцем первый отряд взбунтовался, как и положено - бессмысленно и беспощадно. Был какой-то очередной конкурс, и мы, увы, оказались не на высоте. Как так? Этого не может быть! Мы – самые старшие, самые умные и сильные! На вечерней линейке поздравляли победителей, а первый отряд в знак несогласия демонстративно запел хором новую тогда песню Аллы Пугачёвой: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей! О-о-о-о, да-да-да-да-да!» Взрослым этот демарш не понравился, но они решили просто отмахнуться и не придавать значения. И совершенно напрасно. Потому что после отбоя вся моя улица продолжала петь, причём, петь громко, слаженно и с надрывом, несмотря на то, что весь отряд был рассредоточен в разных домиках. Мы с пионервожатой, студенткой-практиканткой университета, сбились с ног, но ни увещевания, ни угрозы, ни просьбы не помогали. Как по тревоге, было поднято всё начальство, другие воспитатели тоже подтянулись, подошли и повара – надо же, они никому спать не дают! В кабинет директора приводили и по одному, и группами, результат - нулевой, они возвращались к себе и всё повторялось снова: «Дай руку мне, вот моя рука! О-о-о-о, да-да-да-да-да!». Как заговорённые! У меня стучали зубы, всё тело колотила дрожь, как будто истерика этих подростков, как инфекционная болезнь, перешла и ко мне. На все наши расспросы зарёванные дети отвечали: «Почему не нам присудили первое место?». Что за блажь, что за каприз? Вы же взрослые люди! Умейте достойно проигрывать! «Нет, но почему?» Мы ничего не могли поделать, как не могли бы голыми руками остановить бешеную электричку. Всё закончилось само собой, спустя несколько часов, далеко за полночь, когда и дети, и взрослые уже устали и просто выдохлись. А наутро - новая истерика: «Только ничего не говорите родителям!» Они стояли в кабинете директора, раскаявшиеся, невыспавшиеся, вспухшие от слёз. Как накануне ребята бурно пережили великую трагедию из-за «несправедливости», так теперь неотвратимость наказания за «нарушение дисциплины» страшила их ещё больше. Директор, осмыслив такую реакцию, резко сбавил тон и твёрдо пообещал не сообщать об этом инциденте ни в школу, ни домой. Весь день ребята ходили тихие и подавленные, беспрекословно подчинялись и глядели виновато.

О, теперь я знаю, что такое массовый психоз! Знаю, как люди могут превратиться в стадо и толпу! Есть классический совет: «Учитесь властвовать собой». Но мы-то читали, как автор этого мудрого наставления в зрелых годах впал в совершенное безумство, без единого шанса преследовал замужнюю женщину, любовь которой несколько лет назад он сам же хладнокровно и отверг. Может, когда-нибудь в будущем человечество научится управлять извержениями вулканов и ураганами, научится контролировать свои эмоции, жить строго здравым смыслом и без глупостей, совершать исключительно благоразумные поступки. Но пока что – на счастье или на беду? – всё это вышеперечисленное нам плохо удаётся.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Скоро Пасха. Пора начинать генеральную уборку дома. Для меня этот праздник, как поётся в той песне, «со слезами на глазах». Потому что накануне, в день субботний, но примерно в те же самые часы, когда распинали и убивали на Голгофе Сына Божия, умирала и моя мама.

А тем ранним воскресным утром двадцать три года назад преодолевала я последние пятьдесят километров пути к родному дому. Постеснялась попросить подвезти своих дальних родственников: бензин стоил тогда баснословных денег, его просто нигде не было - пусть уж лучше завтра на похороны приедут, попрощаться. Но кто же ещё отправится в путь по какой-то второстепенной дороге, в нужную мне сторону, да ещё в такой день и в столь ранний час? Совсем мало оказалось попутчиков на колёсах. Подвезли пару раз понемножку, осталось чуть-чуть, километров пятнадцать, да и сил тоже мало осталось. Поля покрыты как туманом зеленоватой дымкой, и ветки деревьев в такой же дымке – почки уже набухли так, что слышно, как они лопаются. Где-то высоко-высоко в небе еле заметной точкой заливается жаворонок. Тишина такая всеобъемлющая, просто космическая. И над всей этой благодатью – тонкий аромат расцветающих степных тюльпанов. Шагала так я часа два по пустынной дороге, а меня не догоняла ни одна машина. А тут – встречная. Встаю посреди дороги, решительно расставив руки в стороны. Старенький «Москвич» остановился. Объяснила, попросила. Два мужичка без лишних слов развернулись и поехали со мной в обратную сторону. Вот и наш дом. Большие ворота нараспашку, в глубине двора стоит высокий деревянный крест и крышка от гроба. Приехала.

Мама лежала в красивом платке, завязанном по-деревенски под подбородком. Учительница начальных классов, она почти никогда не носила платков на голове. Нет, вернее, надевала, конечно, летом, ситцевый от солнышка, но завязывала его концы сзади на затылке. А тут – такая спокойная и умиротворённая, прямо настоящая деревенская старушка.

Наши вечные бабушки, эти читальщицы, как их у нас называют, разу же предупредили: сегодня светлое Христово Воскресение, и они будут читать только радостные Пасхальные молитвы. Так что вместо знакомых с детства торжественных песнопений заупокойной службы «Вечная память, вечный покой!» над мамой высокими чистыми голосами повторялось бессчётное число раз: «Христос воскрес из мертвых, смерть смерть поправ....» Без этих вечных старушек, несмотря на давным-давно разорённую церковь и безбожную пропаганду, не обходились ни одни похороны в Буранке. Каким чудом они сберегли и передали из поколения в поколение свои старинные церковные книги, учась друг у друга церковнославянской грамоте, храня православную традицию? Но читали и читали, с прямой спиной стоя перед образами с неугасающей лампадой круглые сутки, надевая старенькие очки и сменяя друг друга. Иногда сбивчиво, но с теми же самыми интонациями, которые одновременно и щемят душу, и успокаивают её.

Приехало много родственников - маминых племянниц, тоже стареньких. «Последышек» в своей семье, она последней и уходила из жизни. Старшие братья все погибли в расцвете сил: Макар ещё в Гражданскую, Андрей в 37-м году расстрелян, Михаил и Степан лежат в братских могилах где-то на Украине, пав смертью храбрых в боях с фашистами. Только старшая сестра Нюра, нянюшка, как всю жизнь звала её мама, хлебнув горя с маленьким сыном на руках в среднеазиатской ссылке - жена сына станичного атамана! - убереглась в этой российской мясорубке 20-го века. Она часто приезжала к нам на один денёк погостить. А уж как мы с сестрой любили летом бывать в

их старом просторном родительском доме, с разными амбарчиками, кладовками, сарайчиками и огородом, который нам тоже доставалось и полоть, и поливать...

Всё как будто во сне происходит и не со мной. Подходят люди, утешают, о чём-то спрашивают, что-то советуют... Но вечером происходит нечто. Я не сразу смогла понять и осмыслить это явление. Просто пришла моя сестра Нина и принесла из своего дома целое эмалированное блюдо горячих сдобных плюшек – праздник всё-таки. Когда она успела их испечь – для меня загадка до сих пор, ведь мы всё время были рядом. Поставили электрический самовар. В мамином буфете нашлась и пачка хорошего цейлонского чая – на случай гостей она всегда приберегала что-то особенно вкусное. В холодильнике ждали своего часа шоколадные конфеты - тоже неприкосновенный запас. Мы все уселись за круглый стол перекусить, а мама была в горнице, в красном её углу. Сначала негромко переговаривались. Тётя Нюра, которая из Уральска, вспомнила, как наша мама лет тридцать назад ездила в Ленинград по турпутёвке и специально съездила в Выборг к её сыну Лёне, к внучатому племяннику своему, который там служил в Морфлоте. И даже сфотографировались с ним вдвоём в фотоателье. Как наши родители привези ей свою только что купленную стиральную машинку, когда обе её руки оказались закованными в гипсовую повязку. Красавица Валя Будкова (все говорили, что они с мамой очень похожи) осторожно прихлёбывая чай из блюдечка, тоже чем-то добрым поделилась. Громогласная тётя Дуся, неумолимая хлопотунья наша тётя Лида, тётя Груня из Актюбинска, тётя Надя.... Наша самая близкая родня. Нина рассказала, что мама сильно любила раннюю весну, как всегда с нетерпением и надеждой ждала её прихода после долгой зимы. И вдруг всех как прорвало, все стали говорить громко и наперебой, в веселом и радостном возбуждении, забыв как будто о постигшем всех горе. Да, именно так, всем вдруг стало легко, уютно, тепло и даже весело! Вспоминали и вспоминали какие-то мелочи, забавные случаи. Потом как-то резко и стыдливо осеклись, осознав нелепость, неуместность этого ликования и едва ли не коллективного помешательства. И только тётя Дуся, кажется, в полной тишине тихонько произнесла: «А Паня-то наша живая с нами тут сейчас сидит».

Воскресение – есть, и душа человеческая - бессмертна. Чтобы убедиться в этом, вовсе не обязательно быть учёным-богословом или ортодоксальным верующим. Мне достаточно было просто пережить эти несколько минут блаженного восторга в те трагические дни.

Вот послушай...

(картинки из детства)

Вообще-то правильное название этого населённого пункта немножко другое, если следовать всем официальным документам. Село Буранное, Соль-Илецкого района, Оренбургской области. Но все, кто жили там в прежние годы и живут по сей день, добавляют в это название суффикс «к», и получается более душевно и даже ласково – Буранка, существительное женского рода, а не бесполого среднего. До революции значилось другое название – станица Буранная, которую больше трёхсот лет назад основали казаки и которая имела славную историю.

Возвратившись оттуда летом 2010 года, на меня напало какое-то странное, неведомое чувство. Не то жалости, не то вины. Нет, в самой деревне всё было в порядке:

школа работала и насчитывала более трёхсот учеников, строились даже новые дома, очень красивые и современные, и всё вроде бы было нормально - деревня жила. Только какие-то мелочи всё-таки портили эту с виду благополучную картину. Во-первых, наше любимое озеро, так сильно обмелевшее за последние годы. И – старые заброшенные дома, полуразвалившиеся и никому не нужные. Лето стояло ужасно жаркое, ни одного дождя так и не выпало. В этом наполненном зноем воздухе я уловила дух какой-то безнадеги. Не обречённости, нет. Так и у человека иногда бывает, когда он просто устаёт ждать чего-то, и уже отчаяние готово охватить его; он вдруг начинает чувствовать себя никому не нужным и всеми покинутым... Тогда под этим впечатлением я и написала свои заметки.

Так вот, моя любимая Буранка. Ты просто немножко устала и тебе надо чуточку отдохнуть. Всё будет хорошо, вот увидишь. Присядь со мной на крылечко, я буду гладить тебя по голове и рассказывать всякую ерунду про своё детство, каким оно мне запомнилось. Тебе будет иногда смешно, иногда непонятно, но всё это правда, именно так и было на самом деле. Вот послушай....

«МОЛОКО И МЁД»

ИМЕНИНЫ СЕРДЦА

Когда-то буранненские колхозники выращивали столько хлеба на своих полях, что не могли своими силами вывезти его на элеватор. Тогда на помощь приходила наша доблестная Армия. Приезжали солдаты на своих грузовиках, располагались лагерем на полевом стане, а офицеры определялись на постой к весёлым вдовушкам или одиноким старушкам. Весь август и середину сентября у наших девушек были просто именины сердца: кавалеров хоть отбавляй! За клубом, который ныне снова стал церковью, была дощатая танцплощадка, под названием "Пятачок" и «тусовалась» там молодёжь до утра. Наш слепой музыкант Михаил Андриянович Рыжков наигрывал незамысловатые вальсы. Однажды приехал чуть ли не батальон моряков в чёрных клёшах и бескозырках, и все - красавцы. А вот наши ребята у здешних барышень что-то не котировались. "Расти коса до пят, до изобильненских ребят", - приговаривали наши бабушки, заплетая нас в школу. Но о вечном соперничестве с Изобилкой - другая история. Интересно, сохранилось ли оно сейчас? А шефская армейская помощь нашему колхозу продолжалась чуть ли не до середины 70-х годов.

КОЛОДЕЦ

У нас долго не было своего колодца во дворе. Воду носили коромыслом от соседей, а для бани - вообще от Рубцовых, у них была мягкая вода. И вот отец объявляет нам, что завтра приедут геологи бурить нам колодец. Это было примерно в 1963 году, когда в нашем районе работала геологоразведка - искали этот самый оренбургский газ. Мы к этому мероприятию подготовились основательно: купили ящик водки, зарезали барана, собрали ведро помидоров. И вот после обеда подъезжает огромная машина с молодыми небритыми парнями, одетыми в кирзовые сапоги и брезентовые штормовки. Пришлось даже забор убрать, чтобы они въехали во двор. Бурили недолго, мама не успела еще

бишбармак приготовить, как на заднем дворе ударил в небо фонтан холодной воды! Очень быстро эти весёлые парни установили оборудование, попробовали - качает! И скорее за стол, «обмыть» это дело. Мама не успевала варить и подавать, отец всё подливал и подливал в граненые стаканы. Папа был совершенно счастлив, обнимался с каждым парнем. С большим чувством без конца пели очень популярную в те годы песню: "Лучше друга нигде не найду я, мы геологи оба с тобой. Мы умеем и в жизни руду золотую отличать от породы пустой". К утру они уже стали роднее братьев. Потом уехали. Не помню, платили или нет им деньги, скорее всего, что не платили. Ведь ящик водки, баран и ведро помидоров - хорошая цена за трубы и работу.

НЕВЫСКАЗАННАЯ ЛЮБОВЬ

Помню, как праздновали день рождения моего отца, 8 февраля. В наш маленький домик приходило человек двадцать гостей. Меню было традиционное - винегрет, холодное, пельмени, плюшки к чаю. Самый крутой подарок - одеколон "Шипр" в красивой коробочке. Где-то после третьей рюмки начинались песни и уже не заканчивались. "По диким степям Забайкалья", "Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?". В них была вся наша невысказанная любовь, печаль, верность. А мы, трое детей, сидели в маленькой спальне на кровати, хотелось спать, нам так надоели уже эти старые заунывные песни. Вот когда мы вырастем, ни за что их петь не будем. Есть же столько новых песен! А потом в другой комнате были ещё и танцы. И что же вы думаете? Эти песни сами собой отложились в памяти. Не прошло и 20 лет, как мы в Крыму у моей подруги, в беседке, после бутылочки массандровского портвейна пели до утра и про золотые горы, и про Муромскую дорожку, и как окрасился месяц багрянцем. Есть песня, чисто буранненская, я её нигде больше не слышала - "Поехал казак на чужбину далеко". Кстати, мне рассказывали, что немцы до сих пор цепенеют от ужаса, когда слышат "Степь да степь кругом". Кто живёт сейчас в Германии, может легко это проверить.

Пошла я недавно на местный рынок. День морозный, ясный. Вдруг слышу родное: "Ва-лен-ки, да ва-лен-ки -и, ой да не подшиты, стареньки...". Пошла по рядам искать источник звука. Смотрю, стоит такой себе местный "вуйко", весь закутанный в шарф, только глаза и усы торчат, на прилавке – магнитофон. Говорю ему: "Поставьте еще раз". Стоим, слушаем. "А вы знаете, кто это поёт?" - "Ни. Якась москальска спивачка. Моих дида с бабусею писля войны до Сибири сослали. Воны ее там чулы". - "Да это же Русланова, Лидия Андреевна, великая русская певица. Она тоже в лагерях сидела" - "Да ну? Не може буты!" Сидела, говорю, целых пять лет, пока Сталин не умер.

ТЫ НАКИНЬ, ДОРОГАЯ, НА ПЛЕЧИ...

Мы жили тогда в Германии, в небольшом гарнизоне, расположенном в лесу. И была у нас там своя баня-сауна. Прихожу я раз туда и вижу: в раздевалке на крючке висит красота неопишная. Наш оренбургский платок, или шаль, как его у нас называли. Дымчатого, жемчужного оттенка, петли размером с бисер, с широкой каймой, а на ней - зигзаги, цветочки, маленькие зубчики. И весь он в мелких завитках. Точно, думаю, в Буранке связали. Захожу в парилку и спрашиваю у голых дам: "Кто из Оренбурга?" Молчат. "Чей пуховый платок висит в раздевалке?" Одна дама отвечает: "Мой. Нам его

солдат из Оренбурга привез лет 20 назад, когда мы ещё в Забайкалье служили". Воспела его Людмила Зыкина, на всю страну. А я хочу добавить для тех, кто уже забыл, что это такое. Итак, в феврале коз чесали такими гребнями с железными зубьями. Чем суровее зима и чем лучше корм, тем и пух длиннее и красивее. Потом этот пух всей семьей выбирали - садились вечером за стол под лампой, стелили белую простынку, и каждую черную шерстинку надо было удалить. Дальше этот пух теребили специальными щеткам, пропускали через гребень, и только после этого пряли. Таких мастериц в деревне было немного, чтобы тонко и ровно умели спрясть. Затем к пуховой ниточке прибавляли тоненькую батистовую - и можно уже вязать платок. Тоненькими спицами набиралось по 300-400-500 петель, и долгими зимними вечерами шла неспешная работа. За месяц он был готов, и уходила на него до 500 граммов пуха. Качество платка проверялось очень просто: его тщательно рассматривали, растянув руками перед окошком на ярком солнышке, и если обнаруживалась хоть одна спущенная петля – цена его сразу резко падала. Постирали, натянули на пальцы, высушили – пожалуйста, и в пир, и в мир, и в добры люди. Всю деревню, от мала до велика, согревал этот платок: легкие, горло, плечи, спина - все было под его защитой. Мы и не болели никогда. У меня до сих пор их два. Один мама подарила, а другой, белую паутинку, связала двоюродная сестра Тоня. Когда я училась в университете, то на первой же сессии получила тройку, и меня лишила стипендии. Я продала свой платок нашей университетской гардеробщице и прожила безбедно полгода, даже родителям ничего не сказала.

ТРУДЯГА

Продолжим. Ещё у нас был тяжелый мотоцикл "Урал" с коляской. У его мотора был неповторимый звук, слышимый издали. Папа только в Буранку въезжал, как мы бежали открывать ему ворота. Куплен он был, как бы сейчас выразились, по акции. В те годы колхозникам на трудодни осенью давали много зерна, у всех сусеки ломались. Мой папа купил у них это зерно, а потом сдал его на станции Цвиллинга на элеватор. Он нам ещё рассказывал, что директор элеватора очень удивился, когда папа привез ему машину с зерном: "Заплатил бы сразу мне, а я бы дал тебе справку". Так вот, этот мотоцикл был настоящий трудяга, он возил в коляске мешки с картошкой, на прицепе - сено, ну там на рыбалку, в Соль-Илецк или даже в Оренбург - всё на нём. Поздней осенью папа ставил его в гараж и они вместе с моим младшим братом разбирали его до винтика. По почте, с Тульской базы "Посылторга" наложным платежом высылали запчасти. Мама всегда недовольно ворчала, больше для порядка. К весне он опять был готов к труду, как новенький. После смерти папы мама продала его Веряскиным, кажется. И когда мы приезжали летом домой и вдруг слышался неторопливый, ровный звук его движка, мы по привычке смотрели на ворота.

«НЕ УКРАДИ...»

Воровства в Буранке не было. Но украсть с фермы мешок дроблёнки и сбыть его за бутылку водки - воровством не считалось, да никто на этом и не разживался. Наверное, крали и по-крупному, но я этого не знаю. Дома же и вовсе не закрывались. Если дверь в доме закрыта и вместо замка торчит палочка - значит, хозяев нет дома. Мы говорили

маме: "Зачем ты вешаешь замок, он же сломанный и ключа нет." - "Да от честного человека". Но нашёлся на неё и нечестный человек. В 92 году, когда она уже жила одна, кто-то ночью залез в сарай и украл всех её кур - оторванные головы по двору валялись, все калитки – настезь. Она обомлела, думала, что и корову, кормилицу, увели. Корова оказалась на задах, но сердечко сильно сжалось, а потом забилось сильно-сильно. Какой-то сосудик в голове лопнул, и через несколько дней мама умерла. Мы приблизительно знаем, кто к ней залез. Бог ему судья.

НЕ СПЕША

Пора рассказать и о хлебе насущном, Хлебе Буранненском. Его пекли в каждом доме, и у каждой хозяйки он имел неповторимый, особенный вкус. Где-то в начале сентября сажал нас папа в мотоцикл, и мы ехали в Первый Лесок или Елхов Лиман - собирать хмель. Рвали только самые желтые шишечки. Потом его сушили на подложке, и в мешке он хранился целый год. Эти шишечки клались в кастрюльку, заливались тёплой водой и настаивались. Процеживали, добавляли муки и опять это настаивалось несколько часов. Кажется, добавляли закваску. Потом делали опару, и только потом - собственно тесто, которое росло и поднималось целые сутки в квашне, такой деревянной полубочке. Мама вставала часа в 4 утра, топила печку, пекла хлеб - и на работу. Ничего вкуснее этого хлеба во всём мире нет - с толстой пропечённой корочкой, румяный и душистый, пахнущий хмелем. Я тут как-то набрела в городском саду на хмель, нарвала целый пакет. Но у меня дрожжи не получились. Наш хлеб делался не спеша и долго - от заварки хмеля на дрожжи и до выпечки уходило дня три.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

И про похороны. Тут уж собиралось всё село, все помогали. В колхозных мастерских делали обыкновенный гроб из досок и простой деревянный крест. Хоть церковь давно разорили, но наши вечные старушки все делали по православному обряду: круглые сутки, сменяя друг друга, они читали и читали молитвы заупокойной службы. Над покойником обязательно причитали - родственники, соседи. Рассказывали, какой это был замечательный человек, и на кого он нас покинул? Когда умерла наша бабушка, то тётка наша, тоже старенькая, горько плакала, всё обращалась к ней: "Государыня матушка!" Гроб до кладбища несли на руках, останавливаясь на перекрестках. На поминальном обеде подавали такие особые вкусные кушанья, которые в повседневной жизни не готовились: густой как желе кисель на тарелке, разрезанный на кусочки, свёкольник (ядренный квас из свёклы с горчицей), лапшевник, тушеную картошку в горшочках, запечатанных сверху тестом. Все кушанья ставились в одной большой тарелке посередине стола, все ели из него своими ложками. Наливали по рюмочке беленького (водки), или красненького (вина). А на сороковой день всем пришедшим на поминки полагалось подарить ложку – деревянную или обыкновенную, из нержавеющей стали. На светлую память об усопшем.

ПРИВЕТ С НАМЁКОМ

Знаете ли вы, что такое "Привет Шишкину" и "Привет Малахову"? В Буранке была своя дизельная электростанция, свет давали на несколько часов утром и вечером. На ней работал Матвей Фокич Малахов. И был свой радиоузел, его включал Шишкин. Появилась бутылочка у Малахова, он мигнет три раза светом - послание другу Шишкину: приходи, есть выпить - и это моргание называлось "Привет Шишкину". Если три раза подряд прервётся радио - это был "Привет Малахову", то есть, Шишкин приглашал в гости своего друга. И про эти "приветы" все в деревне знали. До сих пор, когда вдруг вырубится свет, на меня нападает хохот: это же "Привет Шишкину"! Однако, уже на тот свет, не ближе.

СТРАХ БОЖИЙ

А теперь поговорим об антихристах и иродах. Именно такими словами ругала нас бабушка, когда мы её не слушались. И это были мои первые уроки Закона Божьего. Семья наша была сурового склада, с нами никогда не сюсюкали, и поэтому на бабушку не обижались, она ведь нас любила. Однажды летним вечером бабушка послала меня за лампадкой, чтобы добавить в неё масла. В комнате было уже темно, я была перепугана страшно. Дошла до образов, перекрестилась, сняла лампадку и медленно-медленно, чтобы не побежать, пошла к двери. Только переступила порог, со всей силы как захлопну дверь! И представляете, откуда-то снизу, из-под косяка на пол сеней упали три монетки по одной копейке, новенькие-новенькие. Я их зажала в кулак и никому ничего не сказала. До сих пор не знаю, что бы это значило.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Вообще, 60-70 годы, от Карибского кризиса до ввода наших войск в Афганистан, были Золотым Веком для Буранки. Наша страна тогда ни с кем открыто не воевала, жизнь была размеренная и спокойная. Жили и работали фронтовики, подрастали мы, дети Победителей, и твёрдо знали, что всё самое трудное - война, голод, бедность - позади, и мы с каждым годом живём все лучше и лучше. Именно в те годы построили школу, больницу, "Юбилейный", детский сад, правление. Всем платили хорошие зарплаты, удои с урожаями только росли. Люди строили себе дома, покупали машины. Однажды в магазин завезли сухое болгарское вино, мужики его пили вместо пива и называли "Барышня" - там сверху на длинном горлышке бутылки была приклеена этикетка: девушка держала у головы гроздь винограда - отсюда и название. У людей ничего нельзя было купить, кроме мяса и ведра черной смородины - за десятку, да еще пух продавали. Мы и не знали рыночную цену бидончику молока, банке сливок или кусочку творога - это всё для нас было бесценно, как воздух. Когда корова перед отёлом не доилась, нам молоко приносили соседи и родственники. Если резали свинью или бычка - то большей частью давали как бы в долг: когда резали соседи, то приносили нам точно такой же кусок мяса. Ведь морозильников не было. Мясо всё продавалось по одной цене, и я очень удивилась позже в других городах - каждый кусок, оказывается, имеет своё название и свою цену.

ИМЕНА

А какие имена были в Буранке! Они звучали как песня или приговор. Особо уважаемых стариков - не по должности, а по характеру - называли только по имени-отчеству. Назовите любому моему земляку старше 60 лет Василия Арефьевича, Карпа Ермолаевича, Николая Спиридоновича, Петра Кондратьевича - и их сразу узнают, им фамилии были уже и не нужны. У нас в соседях жила сухонькая добрая старушка, и её все, от мала до велика, звали Анаечка. А ещё одну соседку все за глаза называли Таняка. И какой, вы думаете, характер был у этой старухи?

ДВА СРЕДСТВА ОТ БЕССОННИЦЫ

У моего отца была жуткая бессонница. Он всегда завидовал маме: "Ещё и голову на подушку не положила - а уже спит". Когда ему это надоедало, он шёл в аптеку и Ольга Афанасьевна ему готовила пол-литровую бутылку микстуры - люминал, димедрол, бром - в общем, всё то, что сейчас дают исключительно по рецепту и с круглой печатью. В бессонные ночи он включал настольную лампу, садился у окна и плёл сети. Он был рыбак. После паводка озеро уходило в свои берега, оставляя многочисленные баклуши, полные рыбой. Отец брал накаченную камеру от колеса трактора "Беларусь", ехал в эти места и ставил сеть. Сам поблизости косил траву. Конечно, это было браконьерство. Приезжали инспекторы, забирали сети вместе с рыбой - отец не признавался, что его, иначе ещё и штраф пришлось бы платить. На удочку хорошо рыбачилось в Жеребьёве. Многие в Буранке могут рассказать интересные истории про рыбалку и про моего отца. Карасей жарили, щуку варили, из сома делали пельмени.

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ...

Вспомните, какой длинный, просто до бесконечности, был день в детстве, особенно летом! Мама вставала в полшестого и закрывала ставни, чтобы сохранить в доме утреннюю прохладу на весь жаркий день. Мы просыпались, ели оладушки, пили неизменный чай со сливками. С утра было много работы - мыть полы, полоть и поливать огород. Кое-как пообедав, скорее бежали на озеро. Нырjali до одурения и домой нас мог угнать только жуткий голод. А после ужина начинались игры на улице. Малыши - с мячиком в "Штандэр", прыгалку, кулюкушки, выбивалы. Старшие играли в волейбол, лапту. Кстати, эту нашу коллективную игру "Лапту" американцы переименовали в бейсбол и объявили своим национальным видом спорта. Правила плохо помню, но было две команды, лапта (бита по-американски), которой надо было дать подачу маленьким мячиком. Все куда-то бежали, догоняли. Играли прямо посреди улицы, по песку чертили поля. Машины почти не ездили. Телевизоров тогда не было, мы всё свободное время проводили на улице, а у бабушек и мам было полно времени для рукоделия - пряли шерсть или пух, вязали, вышивали скатерти, блузки. Был вечер длинный-длинный. Мы опять успевали проголодаться после ужина, и перед сном ещё раз обязательно ели - ну хотя бы сливочки парные помакать хлебом. Мыли ноги, хоть от цыпок это всё равно не спасало, и валились в кровать. А с утра всё повторялось снова.

КАЛИТОЧКА В ОГОРОДЕ

С соседями всегда жили дружно, я не помню ни одного скандала. У каждого в огороде или на заднем дворе была небольшая калиточка, и к соседям можно было попасть, не выходя на улицу. Однажды тетя Маня Бутрова сделала нашей маме замечание: утром, когда нашу корову гнали в стадо, она свою нужду справляла прямо напротив их ворот. Мама покорно брала лопату с ведром и убирала за бессовестной скотиной. А тут у мамы стали пропадать цыплята. Подозрение пало на соседского кота, ошивавшегося в нашем дворе. Она пошла жаловаться на него хозяину, Юре Бондарюку. Не успела она ещё и вернуться в свой двор, как подозреваемый был лишён жизни. Вот так. Все друг другу уступали. Вообще, народ в Буранке был добродушный и открытый.

ЧУДО ТЕХНИКИ

Приезжает как-то раз отец из Оренбурга и рассказывает про нашу знакомую: "Вот, Лида купила себе стиральную машинку. Нажмёт на кнопочку и сидит, "Огонёк" читает. А машинка сама стирает. Нам тоже надо купить". Я представила себе жуткую картину: стоит мамино корыто, в котором она стирает, в нём - грязное белье, поперёк лежит стиральная доска, и огромная железная рука берёт бельё и трёт его об доску. Ужас! Но всё оказалось проще и симпатичней на самом деле. Купили мы машинку. Боялась её только бабушка, потому что она урчала, подрагивала, иногда подпрыгивала, и бабушка отводила нас от «греха подальше». Только стирального порошка не было, вместо него мы использовали искрошенное на тёрке хозяйственное мыло. А ту первую машинку папа отвёз вскоре маминой племяннице, которая умудрилась сломать себе обе руки.

РАРИТЕТЫ

Я очень люблю старые буранненские дома, построенные ещё в казачье время. Они все непохожи друг на друга, и уж тем более на современные пятистенки или кирпичные. Построены добротнo, с любовью - казаки умели это делать. В каждом доме обязательно был парадный вход с высоким крыльцом - прямо на улицу. Фронтоны и наличники украшены причудливой резьбой, снаружи дома обшивались резными дощечками. Все они стояли на высоком фундаменте, сложенные из брёвен сибирских деревьев, загадочным образом попадавших в наш степной край. С каждым годом их становится всё меньше - перестраивают, разрушают. Так и хочется сказать: "Господа, не троньте старинные дома! В Буранке полно места - стройте новые себе на здоровье". Были бы у меня деньги, я бы их все выкупила.

КИНО ОТ ГЕРОЯ

А ещё я очень хорошо помню Георгия Евграфовича Лазарева, имя которого носит наша школа. Прямо напротив нас жили его старенькие родители - бабушка Федора и Евграф Васильевич, которого мы из уважения звали Граф Васильевич. Они были местные аристократы, у них была красивая мебель – кожаный диван с высокой спинкой и полочкой, на которой стояли семь слоников. Сам Герой приезжал в Буранку каждое лето, и это было настоящим событием для соседской детворы. Он привозил с собой фотоаппарат, у нас дома есть несколько его снимков. А ещё он снимал нас на кинокамеру и в следующий приезд показывал про нас самих кино, прямо во дворе, на воротах, прикрытых простынёй. Особенно нам нравилось смотреть плёнку задом наперед: вот бабушка Федора берёт готовый пельмень, разворачивает его, фарш - в кастрюлю, лепешку снова в тесто, и так до конца, пока всё мясо не уйдет снова в мясорубку, и тесто не превратится в муку и воду. Было ужасно смешно. Мы его звали дядя Жора. Иногда он приезжал со своей дочкой - девочкой невиданной красоты, одетой как принцесса.

Ну, что, дорогая моя Буранка, стало ли тебе хоть чуточку легче на душе? Ты как та консервная баночка хранишь моё детство, и ты самая надёжная в мире упаковка, хоть местами уже поржавела и потускнела, а какой-то бок сверкает новизной. Но ты никуда не денешься и не потеряешься, ты всё там же стоишь, на том же самом месте – плавно огибаешь себе озеро дугой. На снимке со спутника ты выглядишь очень нарядной – с одной стороны от твоих улочек тянется голубая ниточка нашего озера, а с другой – песчаные барханы, словно крылья огромной птицы. И должно было пройти целых сорок лет, чтобы я поняла, что ты и есть та самая библейская Земля Обетованная, в которой течёт молоко и мёд.

Прости меня.

НЕМНОЖКО ПЕДАГОГИКИ

НЕ ДЕЛАЙ, КАК Я!

Ученики в школе пишут много разных контрольных работ. Есть текущие, по пройденной теме, их составляет сам учитель и очень в них заинтересован: важно иметь реальную картину, как дети усвоили материал, и сделать правильные выводы. Бывают еще директорские, в конце каждого полугодия. Материал для них подбирает завуч, и проверяются здесь не только знания детей, но и профессионализм учителя. Но самые страшные – это городские контрольные, их спускают из ГорОНО, во время этой контрольной в классе обязательно должен присутствовать ассистент, и по результатам этой контрольной обычно делаются далеко идущие выводы – о работе всей школы в целом. Но они, к счастью, проводятся не каждый год.

Нас предупредили заранее, за целую неделю, что все четвёртые классы будут писать городскую контрольную работу по математике. Конечно, все учителя начали готовиться к ней, игнорируя текущие темы: повторяли и повторяли с детьми пройденный материал. И вот – роковой день настал. Выдали нам листочки с отпечатанным на машинке под копирку текстом, назначили ассистентов. Мне не повезло: сама инспектор будет присутствовать. Детей из класса временно удалили, инспектор садится за стол в конце первого ряда, а я начинаю записывать текст работы на доске. Записала первый вариант –

ничего страшного, на среднего ученика, должны справиться: задача, пара уравнений, три столбика примеров, геометрическое задание. Перехожу ко второму варианту, а там – задача на четыре действия, что-то про покупку лыж и палок, совершенно нетипичная, мы таких всего пару решали, и то на уроке, коллективно. Кажется, и в программе этот тип задач не указан как обязательно приобретаемый навык. Да что же это такое: глупость или измена? Они что там, программу не знают, что ли? Или «нарочно», как говорят дети, дали? Я оглядываюсь на инспектора, встречаю ее колючий взгляд и понимаю, что это самая настоящая измена. Вот как. Один-два ребенка ее решат, не более. И моё славное имя теперь будет звучать на всех совещаниях в назидание коллегам, в том смысле, как нельзя работать и учить детей.

Прозвенел звонок, контрольная работа началась. Те, которые решают первый вариант, пишут и пишут, не отрывая глаз от тетрадей. А детки того несчастного, второго варианта, все как один смотрят на меня полными ужаса и мольбы глазами. Я делаю непроницаемое лицо. Вскоре раздаются первые всхлипывания. Но тётка в конце первого ряда спокойно сидит, что-то листает, записывает. Наконец, я не выдерживаю. Показываю им один палец – первое действие, потом рисую в воздухе длинную черту - знак вычитания. Дети молча кивают: да, они уже это сделали. Показываю два пальца и следующий математический знак изображаю в воздухе. Вижу согласные кивки, и это они уже сделали. А что дальше? Потом были подняты по очереди третий и четвертый пальцы с «воздушной» подсказкой математических действий. Всё! Ура! Они поняли! Головы склонились над тетрадами. А инспектор так ничего и не заметила, мой «сурдоперевод» она прозевала.

Опять прозвенел звонок, важная тётя удалилась из класса со стопкой этих контрольных работ. Те, со второго варианта, страшно довольны. Но я уже успела осознать свою ошибку, хоть и не раскаивалась в ней. Нарушен первый закон педагогики, состоящий всего из трёх слов: «Делай, как я». То есть, подала детям дурной пример. Поэтому на следующем же уроке заявила твёрдо и решительно, что больше никогда и никому ничего подсказывать не буду. Кроме того, сама дам ещё пару самостоятельных работ с такими же трудными задачами, чтобы не расслаблялись. Но дети всё равно поняли, что вместе с учителем они обманули какого-то начальника, и что при помощи этого обмана они спасли не только себя от «двоек», но и репутацию Надежды Дмитриевны. А ещё эти взрослые говорят, что обманывать нельзя. Да можно!

На перемене мы с коллегами дружно возмущались этим «наездом»: задача второго варианта действительно оказалась выше программных требований. Но другим моим коллегам с ассистентами повезло больше: им назначены были наши же учителя из других классов, а уж они проявили солидарность и нашли способ, как избежать провала. Ведь доказывать неправоту начальника гораздо труднее и себе дороже. Легче просто найти прореху, лазейку и ею воспользоваться. В этой взрослой игре детские души в расчёт никто не брал.

ТЕХНИКА ТЕРПЕНИЯ

Знаете ли вы, что такое ТЕХНИКА ЧТЕНИЯ? О, вы не знаете технику чтения так, как знаю её я. Этот термин появился в школе лет тридцать назад и обозначает, если взять самую его суть, какое количество слов в минуту должен читать ребенок к концу каждого года обучения в начальной школе. Причём, читать целыми словами, а не по слогам, выразительно, с соблюдением всех знаков препинания, сознательно и чётко. Он должен

ещё и ответить на вопросы к прочитанному тексту или пересказать его. На самом деле ничего страшного тут нет, если ребенок успешно усваивает материал, то трудности отпадают сами собой. Страшна скорее сама процедура, «техника» проверки этой самой техники чтения. Вот представьте такую картину: в пустом классе на месте учителя сидит завуч с секундомером в руке, на столе лежит незнакомая ребенку книжка, которую он должен читать, преодолев страшное волнение. Нужно уложиться в норму – пятьдесят, семьдесят или сто двадцать слов в минуту, уж не помню, сколько точно в каждом классе. А если ребёнок медлительный и флегматичный? А если у него неустойчивая психика и он «перегорел» настолько, что начинает заикаться? На эти «издержки производства» мало внимания обращается, так, можно скинуть пять-десять слов, не больше. Мне нравились уроки чтения. И работа над техникой чтения тоже была интересной. Где-то я прочитала, что Максим Горький читал до двух тысяч слов в минуту. Не вслух, конечно, а про себя. Владимир Ленин – вообще, целыми абзацами читал, по диагонали, еле страницы успевал перелистывать. Такие успехи далеко не каждому по плечу, но в наш информационный век это очень важно – уметь быстро читать и при этом улавливать смысл прочитанного текста. Лично мне прочесть вслух больше трёхсот слов в минуту не удаётся, если соблюдать все требования чёткости и выразительности. Есть много разных методических приёмов, как добиться, чтобы дети читали быстро и осознанно. Во-первых, многие дети приходят в первый класс с ужасной дикцией: мало того, что много звуков не выговаривают, они ещё и слова коверкают. Логопед один на всю школу, не дозовёшься. Можно и самой в классе поработать над их произношением, тем более, что дети очень легко копируют учителя, и самое главное – друг друга. Начинаем разучивать скороговорки, по одной каждый день. Сначала медленно и плавно, можно даже под мелодию какой-нибудь популярной песенки. Из-под- топота- копыт- пыль- по- полю- летит! И обязательно хором, все вместе, всё ускоряя и ускоряя темп. Потом спрашиваем по одному – и обязательно ставить «пятерки», если получается, а если нет - то никакой оценки не ставить, не клеймить ею ребенка. К концу урока уже почти все смогут без ошибок и быстро эту скороговорку произнести. Ведь если у ребенка получается что-то сделать самому – это великий стимул и награда его огромным трудам. Второй этап – работа над интонацией. Выставляем на доске все буквы, обозначающие гласные звуки. Даём задание: «Мы сейчас будем кого-то громко звать». Указку перемещаем по буквам, а дети громко и с удовольствием кричат: «А! О! У!..» Получается абсолютно у всех, даже у самых «отстающих» и застенчивых начинают блестеть глаза. А теперь мы спрашиваем: «А? И? Ы?».. А сейчас нам очень страшно: «А...». Ну и так далее. Конечно же, сначала хором. Ребёнок перестаёт стесняться – ведь все кричат, и он вместе со всеми. На шум может испуганно заглянуть кто-то из коллег по соседству. Ничего страшного, это у нас урок такой.

Эти два приёма, может быть, уже всем учителям известны. А вы пробовали принести из дома в класс магнитофон? Более верного средства я не знаю. Перед детьми лежит открытая «Родная речь» с одним и тем же текстом. Они по очереди небольшими кусочками его вслух читают, читают – весь урок. Магнитофон всё бесстрастно записывает, записывает. На втором уроке идёт внимательное прослушивание записи. Ребёнок слышит себя со стороны, слышит, как читают его товарищи. Очень часто не узнает ни себя, ни своего соседа. В классе будет стоять почти абсолютная тишина, дети будут напряжённо слушать! Такого мощного воздействия не имеет ни один педагогический приём. Сама не знаю, почему. Но чудо, взрыв непреодолимого желания научиться хорошо читать – гарантировано на все сто процентов.

Вообще, я думаю, что учителей нужно готовить прямо в школе, исключительно на практике. Найти каждому студенту хорошего наставника. Ну, в университет тоже пусть немножко ходят, послушать лекции для общего развития. И принимать нужно всех желающих работать с детьми, предварительно отобрав только тех из них, которые пройдут всего один несложный тест – на терпение.

БАНКИРЫ И ДВОРНИКИ

Какой замечательный праздник – прощание с «Букварём»! Он обычно проводился 15 декабря, в класс набивалось полно народа. Мало того, что все родители присутствуют, да бабушки с дедушками, так ещё и взрослые соседи с друзьями придут. Этот праздник плавно перетекал в новогодние хлопоты, недели две на уроках ничем серьёзным не занимались: репетировали свое выступление на утреннике, вырезали снежинки и клеили их на окна, вообще, украшали класс. Заканчивался первый, самый важный период в жизни школьника, под названием «Обучение грамоте». Это означало, что ребёнок теперь уже может самостоятельно читать, писать и считать.

Но не все дети успешно оканчивали этот курс. Всегда находились несколько несчастных, которым эта грамота давалась с трудом. Медико-педагогическая комиссия обычно отправляла их после этого праздника совсем в другие школы. У меня таких безграмотных оказалось двое – мальчик Юра и девочка Инна. Мне было их жалко. От Инны я не услышала на уроке ни одного слова, не знала даже, умеет ли она читать. Нет, на перемене она бегала по коридору, щебетала с подружками, а на уроках молчала, буквально, как воды в рот набрала. Писать она кое-как научилась, примеры решала. А Юра, наоборот, был слишком болтлив на уроках, читать не умел, букв не знал, а просто приловчился ловко перерисовывать их с доски.

Накануне заседания этой самой комиссии я решила ещё раз поговорить с их родителями, причём, на их же территории. Нашла Юрин дом, обыкновенную панельную девятиэтажку. Когда вошла в их квартиру, то обомлела: мне показалось, что я попала в декорации оперы Мусоргского «Борис Годунов». Я очутилась в тереме! Все стены коридора были обшиты тоненькими дощечками, какого-то светло-золотистого цвета. Во все комнаты вели арки, а двери – о! на таких легких кованых завесах, все с окошечками самой причудливой формы. К тому же, все это деревянное царство было ещё и расписано узорами. На кухне, куда пригласила меня хозяйка, стояла деревянная мебель явно ручной работы. Приглядевшись, я заметила некоторые изъяны и аляповатости в работе доморощенного художника. Но это были мелочи. Кто же создал всю эту неземную красоту? Оказывается, сам хозяин, Юрин папа, строитель по специальности, который находится сейчас на заработках в Польше. У меня язык не повернулся сказать про комиссию, я про себя сразу твёрдо решила, что не отдам Юру в другую школу. Матери сказала только о его успехах. Выяснилось, что дома они говорят по-молдавски. Скорее всего, он меня в школе просто плохо понимает. Мама его стала просить меня позаниматься с ним дополнительно, она готова даже заплатить. Помилуйте, так я с ним и занимаюсь, каждый день после уроков, сколько могу. Но у меня ведь тоже есть семья.

С девочкой Инной всё оказалось проще. Мать сразу же обещала выпороть нерадивую дочь, если та будет продолжать молчать на уроках. «Да почему же она всё-таки молчит?» - допытывалась я у разгневанной матери. А откуда она знает? Ладно, всё понятно. Пусть остаётся в моем классе. Посмотрим.

С Юрой мы занимались с переменным успехом. Считал он по линейке, на одном конце которой я нарисовала жирный «плюс», на другом – «минус», вот он и двигал пальчиком по цифрам. К концу первого класса он уже начал что-то писать. Вот, он обувается, собирается идти домой. Я решаю закрепить только что выученный материал: «Юра, как пишется жи-ши?». – «С большой буквы!», - радостно отвечает Юра. Но – на уроке труда он слепил из пластилина такую Дюймовочку, в пол своего мизинца, да ещё посадил её в центре цветка. И ещё я заметила, как он единственный из всех детей плакал, когда мы всем классом смотрели замечательный мультфильм «Русалочка». Потом его родители отдали в другую, румынскую школу. Снова в первый класс. Говорили, что хорошо там учится.

А с Инной всё разрешилось как-то само собой. Оказывается, она меня боялась! Домашний ребенок, в детсад не ходила, с чужими взрослыми не общалась. До настоящей причины её страха я так и не докопалась. Просто мы с ней стали каждый день вместе возвращаться домой. Жили в одном микрорайоне и по очереди друг друга провожали, по дороге беседовали. Когда она ко мне привыкла, то и рот у неё открылся сам собой, да ещё как! На 8 Марта она подарила мне жестяную коробочку из-под чая, из своих детских сокровищ, можно сказать, что оторвала от сердца. Коробочка та была далеко не новая, чуточку помятая и поцарапанная. По сей день я храню в ней лавровые листья; самое достойное ей применение, если не считать эти листочки всего лишь приправой.

Так вот, о банкирах и дворниках. В классе учился умный такой мальчик, отличник, Игорь Ковалёв. Слышу как-то, выговаривает он тому Юре: «Вот ты, Тошук, тупой! Когда вырастешь - дворником будешь». Я не выдержала, ввязалась в разговор: «А ты, Игорь, кем хочешь стать?» - «Банкиром!». Так вот, Игорь, когда ты станешь банкиром и заработаешь в своем банке много-много денег, и тебе захочется построить себе красивый дом, не забудь позвать Юру. Лучше него никто этот дом тебе не построит.

P.S. Как-то недавно были мы в гостях у одной очень состоятельной семьи. Хозяин показывал нам свой только что построенный дом. Мы с мужем поинтересовались, а для чего нужна в его гараже вот эта комнатуха без окон? «Да там эти скоты спали», - спокойно ответил хозяин. Он имел в виду строителей! Неужели вот так просто они и встретились во взрослой жизни, мои ученики - отличник-банкир и двоечник-строитель? А может, наоборот: двоечник стал банкиром, а отличник – строителем? Суть отношений между ними от этой перестановки не изменится, к великому позору на мою голову.

ДВОЙКА «НА ВЫРОСТ»

- Вы!... Мне!... Поставили двойку!... Вот Вам, Надежда Дмитриевна!... Вот!... Вот!.. – и комбинации из трёх пальцев на обеих руках мгновенно сложены и направлены в мою сторону, как дула двух автоматов. Глаза, полные слёз, и срывающийся детский голос, в котором и боль, и обида, и гнев. Андрей был умный мальчик и учился хорошо, так что даже тройка была бы оскорбительна для его самолюбия. Но что я могу поделать? По существующей норме оценок в начальных классах по математике за четыре ошибки ставится двойка. А у него в той самостоятельной работе этих ошибок ровно четыре. Класс замер, дети все как один развернулись в сторону последней парты первого ряда. Андрей наконец-то замолкает, и детские головы поворачиваются уже в сторону учительского стола, ждут моей реакции на такую неслыханную дерзость. А я не знаю, что

мне предпринять. Самый простой выход – выгнать Андрея из класса. Что я и делаю, отправив его домой. Да пожалуйста, он согласен, он и сам не хочет тут оставаться. Спрашивает, как сдать свои учебники – с обложками или без них? Да, обложки пусть оставляет себе. Чувствуется, что ярость мальчика уже почти совсем прошла. Он медленно идёт к столу, также медленно, по одному, вынимает учебники из портфеля и кладёт их на мой стол. В полной тишине покидает класс.

И что же это такое было?

Какое глупое словосочетание – «беззаботное детство». Этот стереотип ввели самодовольные взрослые, чтобы подчеркнуть важность и значимость своей теперешней жизни и напрочь забыть собственное детство. А вы напрягитесь и вспомните, пожалуйста! На уроке внеклассного чтения была такая тема: «Весёлые стихи Сергея Михалкова». Вот: «Писать красиво нелегко...». Весёлый стишок? Но почему дети даже не улыбаются, когда его слушают? – «Мальчик старался - старался, а у него всё равно ничего не получалось...». Или: « На прививку, третий класс!..». И это очень грустное стихотворение: «Мальчик думал, что он смелый и ничего не боится, а оказался трусом...». Когда я рассказала на родительском собрании, как дети воспринимают эти стихи, папы-мамы даже не сразу поняли, откуда у их детей «такой мрачный настрой». Как будто эти стихи на потеху взрослым и были написаны.

Вечером иду к Андрею домой. Выйдя из лифта, безошибочно узнаю дверь его квартиры – это та, за которой слышатся громкие женские голоса. Я знаю, что мужчины в этой семье нет. Мама родила сына, когда ей было уже за тридцать. Всё-таки хорошо, что в наш цивилизованный век «законные» и «незаконные» дети в глазах общества не разнятся, и уничижительное слово «бастард», или «бастрюк» в просторечии, у нас почти не употребляются. Ольга Дмитриевна была хорошей матерью, сыном по-настоящему занималась, а не просто «пасла» его. Они держалась на равных, разговаривала она с ним, как со взрослым, как со своим другом. Вот и сейчас они вдвоём с соседкой пытаются объяснить ему, какой неприличный жест показал он учительнице и что воспитанные люди так не поступают. Зарёванный Андрей сидит на диване, обхватив подушку, и сквозь слёзы всё твердит: «Но почему вы поставили мне двойку? Я что, совсем дурак?» Нет, Андрей, ты неглупый мальчик, просто неправильно решил уравнения – только и всего. Наверное, поспешил? Или был слишком самоуверенным? Да, эта оценка выставлена и в дневнике, и в журнале. И что? Тебе стыдно перед ребятами? Правильно, и мне было бы стыдно. Но причём здесь твоя учительница? А что, может, надо было бы тебе пятёрку поставить?.. Андрей уже начинает улыбаться и что-то понимать. Конечно, он завтра в классе на первом же уроке извинится.

Но вот этот бурный всплеск агрессии оставался для меня долгое время непонятным. До одного ясного майского дня, когда в троллейбусе я случайно встретила их вдвоём с мамой. Ольга Дмитриевна, красивая, элегантная, в белоснежном жакете, и Андрей, такой умиротворённый, в предвкушении какого-то праздника – они ехали на выставку собак. Мы разговорились и вспомнили этот случай. И Ольга Дмитриевна рассказала один эпизод из своей юности. Как в девятом классе ей, отличнице, намеренно занизили четвертную оценку по английскому языку и поставили четвёрку. И как она, пока шла домой, продумала всё до мелочей: где взять толстую верёвку, на какую ветку груши в саду её закинуть и ... повеситься! В самый последний миг, представив горе родителей, передумала. То есть, до такой степени ей обидно было, что и жить не хотелось. У меня мороз пробежал по спине. Нет, я думаю, что с психикой и у матери, и у сына было всё в порядке. Такой вот максимализм нежного возраста? Такая гордыня и завышенная

самооценка? Из такого пустяка, как оценка, делать трагедию? Нет. Не из-за оценки. Из-за великой несправедливости. Пусть и надуманной, как у моего ученика. Ведь слова «двойка», «двоечник» звучат у нас как приговор, как эквивалент умственной неполноценности. Андрею тогда тоже стало страшно обидно. И он отреагировал чисто по-детски, когда ребёнок бьёт кулачком ступеньку, о которую споткнулся. Или всё-таки как мужчина, направив весь свой несокрушимый протест в кукиш для учительницы? Ведь оскорблённый и благородный мужчина в прежние времена мог и на дуэль своего обидчика вызвать, защищая честь, достоинство и эту самую справедливость.

А через пять лет, уже подростком, Андрей получил и самую страшную, самую несправедливую и незаслуженную в своей жизни двойку, когда за несколько страшных месяцев угасла от рака его мать. Он сразу повзрослел лет на двадцать и уже никого не проклинал и не обвинял. На похоронах вёл себя мужественно, почти не плакал.

ВЕЛИКОЕ НЕПОСЛУШАНИЕ

Сижу в турагентстве. Пока одна сотрудница оформляет мои документы, договор и ваучер, другая перед компьютером подбирает тур для одной молодой семейной пары. Их двухлетний сын пришёл вместе с ними, и родители постоянно на него шикают. Начинаю считать, сколько же раз слово «нельзя» слышит этот малыш. Нельзя катать машинку по стулу. Нельзя трогать коврик возле двери, он грязный. Нельзя шуметь. Нельзя брать папки со стеллажей... Нельзя, нельзя, нельзя! Ух! Сбилась со счёта. Но малыш не отчаивается и не оставляет своих попыток найти себе новое запрещённое занятие. «Можно» - только катать машинку по полу или сидеть на стуле, не болтая ногами. Ребёнку скучно, жарко, он страшно устал. Я понимаю, что все эти «нельзя» вызваны неписаными правилами благовоспитанности: родители не хотят, чтобы их ребёнок вызывал раздражение у окружающих, не хотят чувствовать на себе недовольные взгляды и выслушивать упрёки добропорядочных сограждан. Да, у нас такие правила. Вспомните хотя бы свою поездку в поезде: это же такая неприятность, если в вагоне будут маленькие дети, а уж если с нами ещё и в одном купе – это уже настоящий «форс-мажор», головная боль, беспокойство, испорченное настроение и прочее.

И при этом мы твёрдо убеждены, что всей душой любим своих детей, что они для нас – цветы жизни, её смысл, наше будущее и наша надежда. Да бросьте! Отчего тогда у нас так много детских домов, интернатов и вообще никому ненужных детей? Да-да, конечно, это у люмпенов, у всяких там алкоголиков, тунеядцев... Но они тоже граждане нашей страны, живут где-то по соседству, «разбавляя» наши такие благополучные семьи и нанося свои безобразные мазки в общий семейный портрет нации.

Мне рассказывали, что в Испании, даже в самых фешенебельных ресторанах, обязательно есть детское меню и специальные высокие стульчики для детей. А вот детских домов в Испании нет. Оказывается, есть прямая наглядная связь между наличием детского стульчика в ресторане и отсутствием беспризорных детей в стране. И кто хоть раз побывал в Испании, обязательно увидит и отметит огромную любовь испанцев к детям – и своим, и чужим.

Но мы живём в другой стране. Родители того мальчика не успеют оглянуться, как пора его уже отдавать в школу. А уж там этими «надо» и «нельзя» вымощена вся дорога, по которой он будет идти одиннадцать лет. И не такими глобальными, библейскими: «Не

лги!», «Не укради!», «Трудись!», а и мелкими, даже мелочными: «Думай!», «Не бегай на перемене!», «Не разговаривай во время урока!». И с традиционным пожеланием в день рождения: «Слушаться маму и папу». Естественное детское «хочу – не хочу» воспринимается как каприз, если вообще воспринимается. Просто удивительно, как наши детки ещё и выживают в таких условиях! Вот уж воистину, «из огня тот выйдет невредим...».

Вот, на большой перемене мы идём всем классом в столовую пить молоко. Конечно же, парами и строем. Но дети, как ртутные шарики, всё время разбегаются, находят множество способов и тут поиграть, нарушить строй. А путь неблизкий: с третьего этажа вниз по лестнице на первый, потом через весь длинный холл - в другое крыло школы, затем коридором в столовую. В холле возле входной двери сидят дежурные старшеклассники – жалкое зрелище! Какие-то полусонные, вяло-равнодушные, апатичные. По сравнению с моими детками кажутся больными и бесконечно усталыми. Неужели и этих моих резвых первоклашек ожидает такая же печальная участь?..

Всё это было бы так мрачно, если бы не одна черта, заложенная в наших детях природой – это их Великое Непослушание, которое подпитывается, как батареей, неиссякаемой любознательностью. Здоровый ребёнок не может не бегать и не кричать, не может не «совать свой нос» во все уголки окружающего его пространства! Как бы эта беготня и шум ни раздражали окружающих, как бы ни отвлекали нас от важных и неотложных дел.

Я улыбаюсь тому малышу в турагентстве. Он в ответ тоже улыбается. Склонившаяся над бумагами сотрудница поднимает голову и говорит ему: «Подожди пять минут, я освобожусь и подарю тебе игрушку». И малыш, который и разговаривать ещё не умеет, всё понял, сразу успокоился и стал терпеливо ждать.

ДЕВОЧКА, ДЕРЖИСЬ!

У Владимира Высоцкого есть песня «Я не люблю», как бы его манифест. В этой песне изложено всё то, с чем поэт никогда не смирится и с чем, собственно, он боролся всю свою жизнь. «Я не люблю насилья и бессилья» - эту строчку можно было бы взять эпиграфом к этому рассказу. В повседневной жизни многое нас раздражает, кроме собственной беспомощности. Не дают покоя ещё и человеческая глупость, несправедливость, хамство. А если весь этот негатив сосредоточен в одном лице и направлен – нет, не на тебя, а на беззащитную девочку? Но – всё по порядку.

Есть такая категория женщин, которых про себя я называю «курортницами». На любом пляже их можно заметить издалека: на них самые яркие купальники, они всегда «при параде», то есть, принимают солнечные и морские ванны исключительно в макияже и с причёской. Чаще всего приезжают на отдых по одной или с подругой. Это у них как обязательный ритуал, атрибут благополучия или ещё чего-то: на море не поехала – год пропал. Никакие кризисы в стране этих женщин не остановят, целый год будут копить деньги – и вот, пожалуйста, получила себе кусочек рая во временное пользование. В общем, они себя любят и лелеют, и ещё мне кажется, что все они втайне надеются завести «курортный роман» и утвердиться в своей высокой самооценке. «Курортницы»

очень любят общаться и непринуждённо поддерживают любую тему в разговоре. Но в категоричности и в излишней уверенности их суждений проглядывает всё-таки одиночество: ведь умение уступать и идти на компромисс вырабатывается, как правило, при долгой совместной жизни с другим человеком, как и способность слышать и понимать окружающих тебя людей. Я тоже очень люблю море. Никаких экскурсий, просто лежишь под солнцем и ни одной мысли в своей голове не наблюдаешь. Но я - не «курортница». В тот день сильно штормило, желающих купаться почти не было. Все в животном блаженстве валялись на шезлонгах. Обычно возле самой кромки моря, на мелководе, полно ребятишек. Они, не в пример взрослым, целый день усердно трудятся: строят мосты и замки, носят воду ведрами и сооружают свои «кулички», роют каналы и возводят плотины. Но сегодня высокая волна и их не подпускала к морю. Ночью шторм был сильнее, чем сейчас, и на пляже образовались неглубокие лужи. Вот детки теперь в них и работали. Рядом с нами была одна такая лужа, возле которой с утра появилась бабушка со своей внучкой. Бабушка была стопроцентная «курортница», категоричная и неумолимая, а внучка – очень худенькая и бледненькая девочка лет четырёх, видимо, болезненная. От голубоватых теней под её глазами и от неуверенных, робких движений у меня сжималось сердце. Девочка присела на корточки, начала возиться со своими игрушками – ведёрком, лопаточкой, формочками. Но все «куличики» у неё расползались, никак не хотели стоять смирно. «Да зачем ты опять берёшь песок с водой? Бери сухой, а то опять ничего не получится», - наставляла бабушка. Потом не вытерпела, опустилась на коленки и сделала сама. У неё получилось. Но девочка упрямо продолжала свои неудачные попытки с самым мокрым песком. «Ну, ты упрямая! Да говорю же тебе!..» - не унималась бабушка. Я почувствовала явный протест в этих действиях маленькой девочки. Или ей просто нравилось наблюдать, как красиво растекается песок из-под её ведёрка? Тут подошёл мальчик и тоже стал возиться в луже. Девочке это было почему-то не по душе, она стала отгонять его своей лопаткой. Нет, не бить, а просто слабо махать в его сторону своим крошечным орудием. «Да что ты делаешь? Тебе воды, что ли, жалко? Так вон её целое море!» - вразумляла и продолжала комментировать каждое действие своей внучки неугомонная бабушка. Скоро мы узнали много подробностей об этой девочке, не задавая ни одного вопроса. Выяснилось, что она плохо кушает, вот на завтрак только ложку сгущёнки и съела. Что бабушка очень устала от её непослушания и упрямства. Что все дети как дети, а она...

Безмятежность блаженного отдыха с меня улетучилась. Во мне закипала ярость против этой глупой тиранки, к тому же абсолютно уверенной, что искренне, всей душой любит свою внучку и желает ей только добра. Эта ярость душила меня, мешала сосредоточиться и принять какие-нибудь меры. Решила для начала хотя бы на время удалить от себя и от девочки эту «курортницу»: «Да вы пойдите, искупайтесь. Я за девочкой присмотрю». Но не тут-то было: «Заимейте своих и присматривайте за ними сколько угодно». Я не отчаялась и повторила попытку: «Смотрите, девочка уже справляется со своими ведёрками. Вы сама хоть немножко отдохните». Женщина молча наградила меня взглядом. Не пошла на контакт, такой обычный в среде отдыхающих. Стало понятно: что-то тут не так. Или у «курортницы» просто плохое настроение с утра, или большие проблемы в личной жизни. Но ребёнок тут причём?

Весь вечер и даже ночью всё обдумывала я, как бы поделикатнее вразумить эту заботливую бабуку. Ведь отбивает же у девочки всякую охоту не только лепить свои «кулички», но и жить на белом свете. Что внучка растёт как в тюрьме, под постоянным контролем и окриками родной надзирательницы. «Синдром курортницы» - так бы я назвала сложившееся отношение бабушки к внучке: занятая исключительно собственной

персоной, взрослая леди не понимает девочку, её однозначных сигналов, с неумолимостью бездушного бульдозера навязывает ей свою волю. Надо будет, наверное, начать с какой-нибудь шутки. Поговорить спокойно и доброжелательно. Но так тщательно подготовленная речь осталась без применения: девочка с бабушкой больше на пляже не появились. Наверное, той же ночью они улетели к себе домой. Где живёшь ты, маленькая девочка с печальными глазами? Надеюсь, что твои папа с мамой намного умнее и добрее твоей бабушки. А если нет? Всё равно надеюсь, что встретится в твоей нелёгкой жизни хоть один мудрый и любящий тебя человек. Если же и этого не произойдет, то пусть природная внутренняя сила наперекор обстоятельствам поможет тебе выжить, сохранить здоровой твою душу, чтобы не превратилась ты в затравленного, озлобленного зверька.

«Я не люблю насилия и бессилья. Вот только жаль распятого Христа». А ради кого и ради чего ежедневно приносится в жертву душа этой девочки?

Из книга «Без труб, без барабанов»

...СВЕТ ЛИЦА ТВОЕГО

Наташи Маричевой сейчас с нами нет. Она высоко-высоко на небе, сидит себе на облаке, свесив ноги, и смотрит сверху на своих детей, однокурсников, коллег - на всех, кого знала и любила. Она не была ни большой грешницей, ни святой. Часто ошибалась, впадала в отчаяние. Прожила очень нелегкую жизнь: одна вырастила замечательных детей, много и усердно трудилась, состоялась в своей профессии. Разве не заслужила себе наша Наталья вечного покоя своей многострадальной жизнью?..

Мне вспоминается, как сидит она на кровати в общежитии, маленькая, худенькая, и, закрыв лицо ладонями, тихо плачет. Оказывается, кто-то из сокурсниц небрежно так, походя, назвал ее самкой. Вот ведь как: спорим, ругаемся, говорим друг другу много лишнего, а потом забываем. Но одно слово, сказанное как бы вскользь и невзначай, вдруг попадает в самую больную точку. И помнится мне оно уже тридцать три года, хоть я и не была такой ранимой, как Наташа. Она плакала не столько от обиды, по-моему, и не от нанесенного оскорбления. Раньше в бесконечных хлопотах о своих детях-погодках Наташе просто не было времени задуматься о своей жизни, знаю это по себе. И вот теперь в этой комнате, одна, оторванная от своих малышей, она всё повторяла в уме это слово – «самка», и вдруг увидела себя как бы со стороны и ужаснулась собственному легкомыслию, пришла в отчаяние. Ведь впереди – полная неопределенность! Конечно, любой здравомыслящий человек справедливо назвал бы нас легкомысленными особами. Вместо того, чтобы учиться, мы каждый год рожаем по ребеночку: то дочку, то сына. Как это неразумно, глупо! О чем думают и на что надеются эти ненормальные студентки?.. Стараясь перевести всё в шутку, я как могла ее утешала, пыталась отвлечь от тяжёлых мыслей, приводила ей примеры из классики: вот, Лев Толстой свою любимую Наташу Ростову в конце романа тоже называет самкой, и она был для него идеалом женщины. Конечно, самки мы с тобой, Наташка, самки! Не окончив университет, уже имеем по двое детей! Да, нет у нас ни квартиры, ни работы, только на родителей и надеемся. Но всё будет хорошо, вот увидишь! Ты же оптимистка! Всё, вытирай нос, бери учебник. Какой у нас завтра экзамен?

Мы жили с ней тогда вдвоем в комнатке на Большакова, две почти многодетные матери, готовились к государственным экзаменам. У каждой уже по два академических отпуска, из последнего отпуска нам разрешили досрочный выход, чтобы сдать экзамены, защититься и получить диплом. Наши детки, о которых старались вслух не вспоминать, чтобы не расплакаться, далеко от нас, у родителей. Только Наташин муж, Миша Астафьев, был рядом: отстав от своего курса, мы теперь оказались с ним на одном. Трудились сутки напролёт, буквально «со страшной силой» – два часа учим, пятнадцать минут спим. Пьём «термоядерный» чай.

Всё! Сдали! Защитились! Миша пришёл с распределения с хорошей новостью – ему предложили должность референта в областном УВД, сразу дают двухкомнатную квартиру с телефоном и места в детском саду. Всё сложилось как нельзя лучше. Я же говорила, что всё будет хорошо! Мы уже упаковали вещи, купили билеты. На следующий день застаю Наташку опять горько плачущей. Теперь-то ты о чём, подруга? Очередная новость сразила наповал: однокурсники упрекнули Мишу за то, что он, видите ли, «продался ментам», и он сегодня, с утра пораньше, уже побывал в деканате и отказался от предыдущего распределения. И вот – теперь они едут в Тюмень, в эту сибирскую глушь. «Но как он мог? Отец двух детей?», - возмущался, обливаясь слезами, наш мощный материнский инстинкт. У меня в то время была похожая ситуация: предстоял переезд из Магадана в загадочно-расплывчатый Прикарпатский военный округ, и жилья нам тоже никто пока не обещал. Так что бедный Мишка получил тогда столько упреков – за себя, за моего мужа, за всех мужчин вообще, которые думают только о себе и о своей работе. «Если нам не дадут там квартиру – я с тобой разведусь!», - выложила последний аргумент Наталья. Но Астафьев всё выдержал и не сдался.

Почему? Кому было нужно это его никчемное благородство? Почему проявил такое малодушие, уступил мнению товарищей? Почему предпочёл «быть чистеньким» и начать свою карьеру с полного нуля в ущерб своей семье, которую очень любил - это я точно знаю. Сейчас не иначе как полной глупостью, если не идиотизмом, практичные и деловые наши современники этот поступок и не назовут. Но мы жили в другой стране, где с удовольствием пели: «Мой адрес не дом, и не улица. Мой адрес – Советский Союз!» Когда было стыдно перед товарищами искать «тёплое и доходное» место. Когда мы знали твёрдо, что государство «не кинет», а позаботится о нас, что работа и жильё, хоть худо-бедно, но нам гарантированы. Когда мы верили, что порядочных людей гораздо больше, чем непорядочных. Вот такими мы были наивными оптимистами, так надеялись и верили в себя и в свою страну. Я не хочу ни оправдать, ни осуждать Мишу за этот его совсем не однозначный поступок. Просто пытаюсь найти ему объяснение. Не хотелось бы употреблять это, уже ставшее пошленьким, выражение - «романтический порыв». Но выходит, что именно так и было на самом деле.

Уехали они в Тюмень. Как оказалось - на беду свою. Дали им комнатку в общежитии. Через полгода Миша погиб в автомобильной аварии, и Наташа, вдова в свои неполные двадцать шесть лет, осталась со своими маленькими детьми одна. Много лет я, занятая своей семьёй, ничего о ней не слышала. Или не хотела слышать? Без мыслей о ней жилось всё-таки спокойнее. Мне рассказывали только, что она замкнулась, ушла в себя...

И вот на ОРТ, где-то в середине 90- годов, появилась со своими репортажами Наталья Астафьева. Такие живые рассказы о людях, из самой глубинки Тюменской области! Наташа всегда за кадром, только руку с микрофоном видно. Написала ей письмо на тюменское телевидение. И вдруг она позвонила! Да, у неё все нормально. Дети, Павел и

Ангелина, окончили университет, живут отдельно. Да, после гибели Миши ей было очень тяжело, она долго болела, даже ушла из журналистики. Теперь вот вернулась. Наталья, хоть покажи свое лицо в репортажах! Нет, и не надо её уговаривать. А ты помнишь свою кличку в общежитии? Матыльда! Ты же всегда говорила с лёгким немецким акцентом, который теперь уже совершенно исчез. «И Матыльда вдруг заныла: вот, пропал кусочек мыла! Капелан вздохнул: «Ну что же? Только Штырлиц тут поможет!», - уж не помню, кто сочинил эту дурацкую эпиграмму, но мыльницу свою она действительно забывала в умывалке часто.

...Большая часть жизни у нас теперь позади. И ведь по большому счету оказалось, что правы мы, а не те благоразумные обыватели, обозвавшие Наташу самкой! Пусть нам с ней было очень тяжело сначала со своими так «незапланированно» и «некстати» родившимися детками. Пусть! Но они, наши детки, посланные нам в награду авансом за все будущие муки, наполнили нашу жизнь смыслом, вместе с ними мы выросли и умнели, становились лучше и добрее. А какие умные детки получились у нас, студенток!

И напоследок. Вы видели православную икону Божьей Матери «Достойно Есть»? Присмотритесь к ней внимательней и увидите на ней Наташины глаза, наполненные неземной печалью и верой. А слышали красивейшую молитву к Богородице, с тем же названием? Достойно есть – это рассказать о Наташе Маричевой честно и всегда помнить её такой, какой она была на самом деле. Достойно есть – это прожитая ею жизнь. Достойно есть – это быть ее современниками.

О ЛЮБВИ БЕЗ КОВАРСТВА

Секса не было не только в СССР. Его не было и в русской классической литературе, на которой мы все воспитывались. Эти Татьяна, Сонечка Мармеладова, Наташа Ростова.... Да, пусть у Анны Карениной было что-то с Вронским, от чего у нее родилась дочка. Ну и что? Все равно мы были твердо уверены, что бывают такие отношения между женщиной и женщиной, по сравнению с которыми секс – ничто. До сексуальной революции тогда было еще очень далеко - и в наших головах, и на родных просторах.

Вот с такими понятиями о взаимоотношениях полов я и поступила на журфак. И почти сразу же влюбилась - в актера театра юного зрителя Бориса Плотникова. (Он потом сыграл в «Восхождении» у Ларисы Шепитько и доктора Борменталья в «Собачьем сердце») Я ходила на все его спектакли – и какие! «Коварство и любовь», «Три мушкетера», «Чудо в десятом» (пьесу написал А. Горюнов). В шестом ряду были места для студентов театрального училища и прочих безбилетников, чем я успешно пользовалась. Вряд ли могла я тогда словами выразить особенности его большого таланта и обаяния. Просто чувствовала, что он настоящий, непостижимый, возвышенный и в то же время доступный. У служебного входа актера я не поджидала, конечно. Но и до рецензий дело так и не дошло, хотя я к каждому спектаклю подобрала эпиграф. К «Трем мушкетерам» - слова Портоса: «Господа, стоит ли жизнь того, чтобы задавать так много вопросов?!». К «Чуду в десятом» - «Для спокойного суда совести нереализованный внутренний мир есть частное дело». Вот с этими двумя эпиграфами я и пошла по жизни: сначала легко и отважно, особо не задумываясь, а потом с многотрудными сомнениями.

Мы организовали встречу с Борисом Плотниковым в нашем общежитии. Народу пришло много: ТЮЗ в то время очень любили студенты. Потом в нашей комнате мы с ним пили чай. Он охотно рассказывал о себе, о своей работе. Запомнилось только, что, по его словам, на первый курс театрального училища все поступают народными артистами, к третьему курсу уже падают до заслуженных, а с последнего мечтают сбежать из-за своей полной бездарности. (Ну, на журфаке было что-то похожее). На очередном спектакле «Три мушкетера» актеры в угоду нам похулиганили: симпровизировали телевизионный репортаж из дома галантерейщика Бонасье при похищении его жены Констанции.

После зимней сессии на четвертом курсе я ушла в академический отпуск. А когда через год вернулась в Свердловск, театр уже переехал в новое, современное здание. Пошла на «Трех мушкетеров». У Арамиса из-под кружевного манжета выглядывали солидные наручные часы. Очарование прежнего, старенького ТЮЗа исчезло. Потом мой любимый актер вообще переехал в Москву, говорили, что в театр Сатиры.

Лет пять назад я увидела Бориса Плотникова на телеканале «Культура». Он читал стихи Пушкина, которые тот писал в альбомы своим дамам. Читал красиво, легко и изящно. Заслушалась. Он все тот же воплощенный принц датский, все то же в нем благородство. Выглядит немножко старомодным и он сам, и его безукоризненная речь. Была ли я его «фанаткой» в современном смысле этого слова? Ни за что! Тогда, наверное, поклонницей. Наш ТЮЗ, Борис Плотников были частью моей жизни, помогали приподняться над суетой, заставляли задуматься, дарили радостные мгновения. Не говоря уже о том, как в то время ладилась любая работа, какой я испытывала подъем, когда знала, что вечером буду в театре, в шестом ряду. Мне думается, что и я в числе других его верных поклонников тоже помогла ему своей любовью - поверить в себя в самом начале его творческой карьеры. По крайней мере, надеюсь на это. Ведь не только ради критиков или богемы актеры работают.

О САМОМ ГЛАВНОМ

Не проработала по своей специальности ни одного дня. Так сложилось, что основной мой стаж – домохозяйский. Но представить себе не могу, как бы я жила, если бы не закончила журфак. И главное в моей жизни косвенно связано с полученным образованием, основу которого составляла филология.

В середине 90-х годов, когда «незалежність» Украины только набирала обороты, к нам стали приезжать всякие учителя из-за границы. Как-то директор школы, в которой я работала, объявил, что пришла разнарядка из РОНО – отправить нескольких учителей слушать лекции американских профессоров об экологии. Послали в числе прочих и меня. Дворец молодёжи был забит до отказа. Выдали нам наушники – шёл синхронный перевод. Оказалось, что лекции не просто об экологии, а об экологии души. И читают их профессора богословия, к тому же, протестанты. Лекции шли после уроков по 6 часов ежедневно целую неделю. Но зал уже на второй день оказался на две трети пустым. Я из упрямства и любопытства прослушала всё до конца. Спасибо вам, господа американские профессора богословия! От вас я получила первые знания о структуре Библии, ее содержании. Под конец нам всем подарили по хорошему изданию Библии и с каждого взяли слово читать каждый день по одной главе.

Конечно, я сразу прочитала её всю, целиком - как красивую сказку. Не поняла ничего. Только язык понравился – чёткий, конкретный, с каким-то особым, не знакомым мне ритмом. Читать толкования не позволяла гордыня: не надо мне «промывать мозги», сама хочу докопаться. Только философские книги Ивана Ильина и Николая Бердяева помогли хотя бы ощутить смысл и глубину христианства.

Так постепенно я подошла к Православию. Уезжала в Почаевскую Лавру и жила там неделями. Посещала все многочасовые службы. Занимала место поближе к кафедре и вслушивалась в безупречное чтение монахами текстов Святого Писания, наслаждалась пением мощного мужского хора, созерцала красоту икон и храмов. Возникало какое-то странное, мистическое чувство: я здесь уже была, когда-то давным -давно, всё это уже знала, видела и слышала; и слова молитв, и лики святых всплывали на поверхность с самого глубокого доньшка моей памяти.

Потом взялась за церковнославянский язык. Ох, уж эта его грамматика – семь падежей у существительных, четыре формы прошедшего времени у глаголов! Но теперь понимаю намного больше. Какой торжественный, великолепный язык! В нем нет ни одного грубого или пренебрежительного слова. Все хочу вникнуть в язык моего любимого Евангелия от Иоанна, понять, что составляет его поэтичность и красоту. Раскаиваюсь в том, что плохо, по-школярски, только для оценки на экзамене, училась у наших преподавателей русскому языку. Никогда никакие «Гуглы» с «Яндексами» их не заменят.

... Лет десять назад мы с мужем оказались по делам в прикарпатском селе Брусница. Того мужичка, что был нам нужен, не оказалось дома и нас направили к его матери, сказали, что живет она «за селом». Действительно, чуть ли не за километр от села стоял одинокий маленький домик, тщательно выбеленный. Возле него на скамеечке сидела опрятная старушка, рядом с ней стояли костыли. Жалости старушка почему-то не вызывала, хотя её распухшие ноги говорили о тяжёлой болезни. Сына у неё тоже не оказалось. «Как же вы живете здесь, совсем одна?», - ужаснулись мы. «А я не одна, я с Богом», - спокойно ответила старушка. И добавила: «А ты нарви себе букетик, доця, видишь, какие астры у меня в этом году уродились».

Сейчас много негативного пишут и говорят о священниках всех рангов, особенно об их корыстолюбии. Меня это нисколько не смущает: придёт время, и они будут давать свой ответ, а я – свой. И часто вспоминаю светлую старушку из Брусницы, которая подарила мне тот замечательный осенний букетик, а вместе с ним и веру в то, что праведники в наш век ещё не перевелись. Стараюсь стать истинно верующей, и это нелегко мне даётся. Хотя, казалось бы, что может быть проще и естественней? Жить по Десяти Заповедям, любить Бога и людей.